

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. печ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ — въ конторѣ Н. Печковской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара
считаются безплатными.

Мелкіе рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1901 г. V годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 Февраля.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ собранію Театральнаго Общества. — Балетъ въ Искусствѣ. (Окончаніе). В. Соптлова. — Свобода живописи. (Окончаніе). А. Ростиславова. — Хроника театра и искусства. — Библиографія. — Аллегорія, стих. А. А. Мюссаръ-Викентьева. — Три сестры. П. М. Ярица. — Жанъ и Мари. (Окончаніе). Разсказъ С. Шевиль. — Путевыя замѣтки. А. А. — Провинціальная лѣтопись. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

№ 8.

Рисунки: Балъ художниковъ (3 рис.). А. Любимова. — Французская художественная выставка. — Виньетки.

Портреты: † А. Я. фонъ-Ашеберга, Тины ди-Лоренцо, сестеръ Кристманъ, Джакоза.

Приложеніе: «Дымъ отечества», комедія въ 4 д. В. Кожевникова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1901 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Въ разсрочку вносится 4 р. при подпискѣ и 2 р. къ 1 Іюня.

Открыта подписка на изданіе

КНИГА 2-го СЪѢЗДА

СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

Изданіе журн. «Театръ и Искусство».

„Книга“ будетъ состоять изъ двухъ частей: неофициальной, со многими иллюстраціями, статьями и характеристиками и официальной (подъ ред. комисіи по организаціи Съѣзда), заключающей протоколы, труды и доклады Съѣзда.

Цѣна обоимъ томамъ по подпискѣ — 2 руб., для подписчиковъ журнала 1 р. 80 к. съ пересылкой. При заявленіи о подпискѣ можно прилагать 1 р., наложивъ на остальныя деньги платежъ. По окончаніи Съѣзда, цѣна на книгу будетъ увеличена.

Деньги адресуются въ контору журнала

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Моховая, 45.

С.-Петербургъ, 18 Февраля.

Въ субботу, а въ случаѣ неприбытія законнаго числа членовъ, въ воскресенье должно состояться общее собраніе членовъ Театральнаго Общества для разсмотрѣнія проектовъ Уставовъ Общества и Союза сценическихъ дѣятелей. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что собраніе созывается и слишкомъ рано, и слишкомъ поздно. Слишкомъ рано, если принять во вниманіе, что проекты были разосланы членамъ Общества не болѣе 3-хъ недѣль назадъ; слишкомъ поздно, если соображаться съ тѣмъ, что 6-го марта уже открывается Съѣздъ сценическихъ дѣятелей, которому предстоитъ высказаться окончательно по поводу этихъ проектовъ.

Вообще, порядокъ, принятый въ данномъ случаѣ Совѣтомъ, представляется намъ и неудобнымъ, и нецѣлесообразнымъ, и не совсѣмъ вразумительнымъ. Въ Москвѣ постомъ прошлаго года состоялось собраніе членовъ Театральнаго Общества, избравшее изъ среды своей многочисленную комисію, которая занялась разсмотрѣніемъ проектовъ. Проекты эти, вмѣстѣ съ замѣчаніями и измѣненіями комисіи, у насъ предъ глазами. Казалось бы — по смыслу чрезвычайнаго собранія и уполномоченной имъ комисіи — редакція проектовъ, подлежащая обсужденію какъ петербургскаго общаго собранія, такъ и предстоящаго въ Москвѣ Съѣзда, должна быть та самая, какая вышла изъ рукъ комисіи. Поправки комисіи внесены въ проектъ, общіе принципы его одобрены — и собранію или Съѣзду остается ихъ утвердить или принять съ извѣстными измѣненіями. Между тѣмъ то, что мы видимъ теперь, представляетъ совершенно новую редакцію проектовъ, во мно-

гомъ отличающуюся отъ прежнихъ, и даже вносящую новыя основанія въ дѣятельность Общества и Союза. Выходить, такимъ образомъ, что окончательная редакція была совсѣмъ неокончательной, что коммисія сдѣлала одно, а въ Совѣтѣ сдѣлали другое, и что всю сказочку начали сначала. Но если начинать каждый разъ сказочку сначала, то когда же ей будетъ конецъ? И кто-же, въ такомъ случаѣ, считается правоспособнымъ авторомъ проектовъ—коммисія-ли, уполномоченная общимъ собраніемъ, или канцелярія Совѣта?

Предъ нами проекты уставовъ двухъ важнѣйшихъ для театральнаго жизни учреждений, которые намъ предлагаютъ рассмотреть, купно еще съ уставомъ «Досуговъ сезона», въ одномъ засѣданіи. Мыслимо-ли это? Вѣдь если предъ нами были-бы проекты въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ рукъ московской коммисіи, мы и тогда могли бы сослаться на то, что въ двѣ три недѣли не возможно съ полною сознательностью и пониманіемъ отвѣтственности отнестись къ этимъ опытамъ театральнаго законодательства. Тѣмъ болѣе безпомощно положеніе общаго собранія, когда самыя проекты и даже ихъ основныя принципы, въ извѣстной степени, вышли, можно сказать, впервые изъ рукъ творцовъ. Неужели въ серьезъ авторы проектовъ предполагаютъ, что на протяженіи одного засѣданія, въ шумномъ и многорѣчивомъ собраніи, можно по чести, совѣсти и съ сознаниемъ отвѣтственности, принять 51 параграфъ Устава Театральнаго Общества и 63 параграфъ Устава Союза сценическихъ дѣятелей, да еще на закуску, рассмотреть уставъ «Досуговъ сезона?» Это, можетъ быть, только тѣмъ, что на парламентскомъ языкѣ называется «третьимъ чтеніемъ», т. е. общимъ голосованіемъ по всѣмъ вопросамъ, разсмотрѣннымъ и въ частностяхъ, и въ ихъ основаніяхъ. Но кто-же ихъ разсматривалъ? Вѣдь предлагаемыя намъ проекты—совсѣмъ не тѣ, которые разсматривала московская коммисія. Это—сказочка съ начала. А если сказочка ведется сначала, такъ и порядокъ разсмотрѣнія долженъ быть снизнова другой, и прежде, чѣмъ общему собранію постановлять рѣшеніе, оно должно избрать коммисію изъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, которая пусть и разсмотритъ новыя и подновленные параграфы и пункты уставовъ, теперь впервые появляющіеся на свѣтъ Божій. Самый гибкій и острый умъ не въ состояніи сразу разобраться въ двухъ любопытнѣйшихъ памятникахъ законодательства, да кромѣ того, обладать такою силою убѣдительности, чтобы сообщить свое мнѣніе, со всѣми его доказательствами, собранію. Стало быть, все это собраніе окажется созваннымъ для проформы, если оно предварительно не передастъ обсужденія проектовъ въ коммисію, да притомъ заодно уже не постановитъ, во избѣжаніе сказочекъ сначала, что проектомъ, подлежащимъ обсужденію сѣзда, почитается тотъ, который разсмотрѣнъ и редактированъ коммисіею, а не тотъ, новый и неизвѣстный, который возникъ въ нѣдрахъ канцеляріи Совѣта.

Намъ скажутъ, что нужно торопиться, и что до сѣзда осталось очень мало времени. Совершенно согласны. Но вѣдь общее собраніе тутъ не причемъ; вѣдь не оно рассылало поздно проекты; не оно назначило поздно общее собраніе. Неудобства поспѣшной работы являются результатомъ предшествовавшей медлительности. Да и не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что когда члены Театральнаго Общества принимаютъ на себя отвѣтственность не только предъ настоящимъ, но и предъ будущимъ за всю судьбу и всю организацію театральнаго

дѣла въ Россіи, они, какъ присяжные засѣдатели, не имѣютъ нравственнаго права отвѣчать «да» или «нѣтъ», не изучивъ вопроса, не освѣтивъ его, не составивъ полнаго убѣжденія. Мы должны быть прежде всего честны и разумно-сознательны. И если найдутся такіе члены Театральнаго Общества, которые готовы, съ бацъ, принять 51 да 63 параграфа неслыханныхъ не только у насъ, но и нигдѣ въ мірѣ учреждений, мы ихъ поздравляемъ: у нихъ и убѣжденность рѣдкая, и способности необыкновенныя.

Мы же думаемъ, что это едва-ли допустимо въ благоустроенномъ обществѣ. Намъ предъявляютъ за двѣ недѣли почти новыя проекты. Что мы можемъ отвѣтить? Дайте намъ старыя, или потерпите, пока новыя не превратятся въ старыя.

Нужно полагать, во всякомъ случаѣ, что какіе-нибудь очень серьезные мотивы заставили авторовъ проектовъ не только распространить, расширить и подновить редакцію, но и пойти прямо въ разрѣзъ съ редакціею московской коммисіи. Напримѣръ, московская коммисія постановила, что при выборѣ членовъ Совѣта рекомендательный списокъ необязателенъ, нынѣшній же проектъ постановляетъ, что половина членовъ выбирается по совѣтскому списку. И своею властью нарушая волю московской коммисіи, авторы проекта ни единымъ словомъ не объясняютъ, почему они такъ добиваются стѣсненія свободы выборовъ. Мы должны вѣрить, что авторы проектовъ, съ ихъ разсужденіями, замершими въ тиши канцеляріи, лучше и вѣрнѣе судятъ, чѣмъ 30 членовъ коммисіи, публично высказавшихъ свои доводы и соображенія. Хорошо, мы хотимъ этому вѣрить. Но дайте намъ срокъ, дайте намъ возможность *утровать*. Иначе роль общаго собранія будетъ близко напоминать роль думы, выведенной въ комедіи г. Невѣжина «Непогрѣшимый», и выражавшей свои чувства и мысли неопредѣленными наклоненіями глаголовъ: «принять!» «благодарить!», «отклонить!».

Контора проситъ гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкою, озаботиться о своевременной высылкѣ второго взноса (1 Марта), во избѣжаніе перерыва. Слѣдуетъ прилагать номеръ бандероли.

За перемѣну адреса иногородняго на иногородній уплачивается 25 коп., иногородняго на городской 60 к.

Балетъ въ Искусствѣ.

(Окончаніе *).

Кое что изъ упомянутыхъ здѣсь произведеній европейской художественной литературы переведено на русскій языкъ, какъ напримѣръ „Семья Кардиналь“, „Маленькая танцовщица“ и „Танса“—подъ заглавіемъ „Александрійская куртизанка“. Послѣдній романъ—съ большими сокращеніями.

Переходя къ русской беллетристикѣ, слѣдуетъ тотчасъ же сказать, что она почти не занимается танцами и балетомъ. Въ ней нѣтъ ни одного цѣльнаго крупнаго произведенія, темой котораго являлась-бы хореографія. О томъ какъ балетъ отраженъ во всеобъемлющей поэзіи Пушкина мы уже писали въ статьѣ „Пушкинъ и балетъ“. И другіе поэты

наши писали о балетѣ, но больше въ ироническомъ смыслѣ. Вѣлинскій отдавалъ должное балету и относился къ нему серьезно, но Некрасовъ, кажется, непризнавалъ его, судя по насмѣшливымъ стихамъ:

... Передъ балетомъ
Я преклонился ницъ.
Готовъ я быть поэтомъ
Прекрасныхъ танцовщицъ.
Какъ не любить балета,
Здѣсь мирный гражданинъ
Позабываетъ лѣта,
Позабываетъ чинъ.

За то Державинъ былъ вполне серьезенъ, когда сталъ слагать торжественныя вирши въ одѣ „На балетъ *Зефиръ и Флора*.“

Что за призраки прелестны,
Легки, свѣтлы существа,
Сонмъ эфирный, сонмъ небесный,
Тѣни, лица божества
Въ неопisanномъ восторгѣ
Мой лелѣять, нѣжать
духъ?...

И Грибоѣдовъ, воспевавшая танцовщицу Телешову, вполне искренно вздыхалъ:
О, кто она? Любовь, харита,
Иль Пери, для стравы иной,
Эдомъ покинула родной.
Тончайшимъ облакомъ обвита?

И вдругъ—какъ вѣтръ ей полетѣ!

Звѣздой разсыплется,
мгновенно
Блеститъ, исчезнетъ, воздухъ вьетъ
Стопою, свыше скрыленной...
Улыбка, взятая безъ словъ,
Небрежно спущенный покровъ,
Какъ будто влаги обаянье,
Прерывно персей волнованье
И томной думы полонъ взоръ.

Въ „Горе отъ Ума“ Грибоѣдовъ написалъ извѣстную фразу: „Танцовщицу держалъ, да не одну, двухъ разомъ“—вотъ, кажется, и все отраженіе балета въ нашей поэзіи.

Изъ прозаическихъ сочиненій, посвященныхъ балету, слѣдуетъ упомянуть о романѣ „Балетный Мірокъ“, появившемся въ семидесятыхъ годахъ съ эпиграфомъ: „дѣла давно минувшихъ дней, преданія старины глубокой“. Слѣдовательно, описываемый въ этомъ романѣ мірокъ уже для того времени былъ лишь преданіемъ, а въ наше время является уже вполне архаическимъ явленіемъ. И вообще, романъ этотъ, названный авторомъ „живыми картинками“, скорѣе публицистика довольно низкопробнаго свойства, чѣмъ художественное произведеніе.

Изъ новѣйшихъ писателей, пользовавшихся этой темой, слѣдуетъ упомянуть г. Случевского, давшего повѣсть „Балетная“, въ которой описывается судьба неудачной танцовщицы; г. Потапенко, описывающаго въ романѣ „Сильфида“ жизнь и приключенія одной похищенной изъ московскаго театра танцовщицы, и г. Боборыкина, больше всѣхъ отразившаго въ своихъ произведеніяхъ балетный мірокъ, потому что и г. Случевскій и г. Потапенко взяли

Балъ художниковъ.

Живая картина — „Избушка на курьихъ ножкахъ“.

Рис. А. Любимова.

фономъ для своихъ героинь совѣтъ иныя среды и сферы; у г. Боборыкина въ рассказѣ „Вторая отъ воды“ и героиня, и фонъ, и ея антуражъ — балетные, какъ и въ другомъ его небольшомъ рассказѣ „Въ Розовомъ“. Въ обоихъ этихъ рассказахъ чувствуется знаніе быта и особенностей балетной жизни, а также теплое и сердечное отношеніе къ героинямъ этихъ произведеній. Кроме того, въ его романѣ „Изъ Новыхъ“ героиня романа — дочь танцовщицы.

Вотъ, кажется, и все, о чемъ можно было упомянуть, говоря объ отраженіи балета въ русской художественной литературѣ. Немного, и куда меньше, чѣмъ, наприкладъ, у французовъ. Оно и понятно. Русскій писатель по преимуществу ригористъ и пуристъ. Произведенія нашей беллетристики по преимуществу тенденціозны, такъ сказать, направиленскіе, или, если хотите, идейныя, то, что называется *le roman à thèse*. Наши русскіе писатели любятъ касаться темъ обществен-

ныхъ, философскихъ, серьезныхъ; искусство, которое у насъ принято обозначать избитой формулой „искусства для искусства“, почти не интересуетъ нашихъ беллетристовъ и исповѣдывать его считается даже предосудительнымъ. Любить балетъ вообще считается достаточно позорнымъ, а писать о немъ книги и совершенно непроизволительно для „уважающаго“ себя писателя; по мнѣнію многихъ и весьма многихъ, балетъ — не искусство, а зрѣлище, притомъ низменнаго свойства, которое можетъ интересоваться только выжившихъ изъ ума старцевъ — съ порнографической точки зрѣнія и младенцевъ — съ точки зрѣнія феерическаго представленія. Наша художественная литература, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, преслѣдуетъ служебныя, утилитарныя цѣли, занимается такъ называемыми „проклятыми вопросами“ и презираетъ все изысканное и „безполезное“. Вникая глубже въ это явленіе, съ удивительной ясностью убѣждаешься, что дикіе взгляды Писарева на „чистое искусство“ все еще владѣютъ нашей беллетристикой и беллетристами, считающими поклоненіе красотѣ и формамъ тяжкимъ преступленіемъ противъ „гражданственности“. Конечно, при такомъ общемъ направленіи художественной литературы, балетъ—эта настоящая академія красоты и пластическихъ формъ—не могъ и не долженъ былъ найти яркаго отраженія въ русскомъ искусствѣ.

Не нашелъ онъ его ни въ нашей живописи, ни въ нашей скульптурѣ, которыя тоже заражены „пе-

редвижническими" идеями, реализмомъ будничныхъ сценъ горя, голода, нужды и всяческихъ невзгодъ.

Напротивъ, у французовъ есть и рисовальщики и каррикатуристы и скульпторы, эксплуатирующие этотъ красивый и легкій жанръ. Изъ французскихъ рисовальщиковъ очень извѣстны имена Бока (Femmes de Théâtre), Меклеса (Danse de Paris), Робертъ Киссъ (акварели), Метиве (La danse et les danseuses), Дранеръ и множество другихъ. Изъ художниковъ, специализировавшихся на балетѣ, на первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, извѣстный Карьеръ-Белезъ, граціозныя картины и пастели котораго очень цѣнятся парижанами, Леонъ Коммеръ, Жанъ Веро, де Тавернье, изображающіе балеринъ въ различныхъ позахъ и, наконецъ—Дегазъ, художникъ-декадентъ, который за свою маленькую картину, подъ названіемъ „Танцовщица“, выставленную у насъ когда-то въ Соляномъ городкѣ, просилъ не болѣе не менѣе какъ сорокъ тысячъ рублей! Цѣлый рядъ менѣе извѣстныхъ художниковъ создалъ въ балетномъ жанрѣ много прекрасныхъ вещей; таковы, напримѣръ, Мариотонъ (плафонъ „La danse“), Вейль (Pierre qui roule...“), г-жа Шандо-Вардо (портретъ танцовщицы Замбелли) и проч.

Скульптура тоже не пренебрегаетъ танцами и танцовщицами. Достаточно назвать имена Карпо, украсившаго зданіе Grand Opéra аллегорической группой „La danse“, Фальеръ, статуя котораго, моделированная съ Клео де Меродъ, надѣлала такого шума въ Парижѣ, Лапортъ Влерси („Мендетъ“) и нѣсколько другихъ.

Балетный жанръ затронулъ, однако, художественную промышленность и отразился въ ней массой мелочей изъ бронзы, терракоты, фарфора и пр. Такъ, напримѣръ, очень извѣстны цѣнныя статуэтки изъ темной бронзы скульптора Пинедо („La ballerine au bouquet“, „Avant la Danse“ и „Cléo de Merode“).

Въ русской живописи мы помнимъ лишь портретъ танцовщицы г-жи Скорсюкъ, работы г. Цюнглинскаго, а въ скульптурѣ положительно ни на что не можемъ указать. Наши художники и скульпторы, очевидно, такъ же презираютъ это античное искусство, какъ и наши писатели. О музыкальных художникахъ, отдававшихъ свои силы на служеніе балету мы говорили въ началѣ этой статьи. Къ названнымъ тамъ именамъ слѣдуетъ прибавить еще двухъ молодыхъ композиторовъ гг. Глазунова („Раймонда“ и „Четыре времени года“) и барона Врангеля („Дочь Микадо“).

В. Свѣтловъ.

Свобода живописи.

(Окончаніе *).

Въ какой окончательной формѣ проявится у насъ свобода живописи, сгруппируются ли художники, подобно передвижникамъ, въ тѣсное сильное общество или постепенно всѣ общества исчезнутъ и сольются, неизвѣстно. Но несомнѣнно, что починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ кружку художниковъ, участникомъ выставокъ, журнала „Миръ Искусства“. Несомнѣнно, что будущая жизнь искусства пока именно здѣсь. Страшную борьбу придется выдержать новому обществу именно потому, что цѣль его—живопись чистая, дѣйственная и свободная, а публика не понимаетъ, не цѣнитъ и даже не любитъ эту Сандрильону среди другихъ искусствъ. Нѣтъ ничего легче какъ зубоскалить и глумиться надъ чѣмъ-бы то ни было, тѣмъ болѣе надъ осмѣяннымъ и оплеваннымъ декадентствомъ, особенно когда тонъ задаютъ развязные, но такъ-же мало, какъ и толпа, понимающіе писакки изъ разныхъ болѣе

или менѣе распространенныхъ газетъ, благодаря которымъ можно явиться на выставку съ готовыми фразами и сужденіями, но вотъ что глубоко возмутительно: описываются и оплеваются не отдѣльныя произведенія и художники, а вся выставка вообще, нѣтъ не только желанія отнестись вдумчиво и серьезно къ новому искусству, а самой примитивной справедливости. Я отнюдь не восхищаюсь и сознаю, что нельзя восхищаться Врубеломъ, нѣкоторыми безформенными эскизами Головина, „Зимой“, Малютина, многимъ у Сомова, неудачной подражательницей кн. Трубецкаго Голубкиной, кое-какими отдѣльными картинами нѣкоторыхъ художниковъ, но вѣдь и только; вѣдь все остальное на выставкѣ—или прямо превосходныя или болѣе или менѣе хорошія, удачныя и обыкновенныя произведенія, какія попадаются и на другихъ выставкахъ и не вызываютъ глумленія; вѣдь большинство участниковъ этихъ выставокъ художники съ очень крупными и извѣстными именами. Достаточно назвать Сѣрова, покойнаго Левитана, Пестерова, А. Васнецова, Коровина, Пастернака, Обера, кн. Трубецкаго. Одно участіе этихъ именъ говоритъ объ интересной сущности новыхъ выставокъ: имена эти принадлежатъ не только даровитымъ, а и свободнымъ оригинальнымъ художникамъ. Къ счастью для новаго общества во главѣ его всталъ такой первоклассный, прусигянный, неоспоримо признанный, кажется, всѣми лагерьми художникъ, какъ Сѣровъ. Такіе силы необходимы именно въ переходныя эпохи, ибо силой новаго таланта могутъ заставить повѣрить въ необходимость перехода. Фактъ, что онъ добровольно ушелъ изъ членовъ товарищества передвижныхъ выставокъ и примкнулъ къ новому обществу слишкомъ знаменателенъ и краснорѣчивъ: Сѣровъ слишкомъ смѣлый, свободный, скромный и чуткій художникъ, чтобы однимъ изъ первыхъ не почувствовать, гдѣ нѣ настоящее время правда въ живописи. „Старовѣры“ ахаютъ, сокрушаются и недоумѣваютъ по поводу этого перехода и совершенно напрасно. Съ самаго начала своей дѣятельности Сѣровъ выказалъ не только огромное дарованіе, а и удивительное чутье, пониманіе живописи, оя сути. Очаровательный тончайшій колоритъ, приложный рисовальщикъ (разумѣется не въ академическомъ смыслѣ деревянной и, такъ сказать, примитивной правильности), владѣющій удивительно изящной техникой, онъ свободно отдается своему мастерству, искусству и вдохновенію, давая очаровательныя, не надуманныя, дѣйствительно какъ-бы вылившіяся вещи и сокрушая своихъ поволенныхъ поклонниковъ изъ „старовѣровъ“ и глубокомысленныхъ тупицъ тѣмъ, что до сихъ поръ не написалъ ни одной „содержательной“ картины. Не часто приходится видѣть на выставкахъ такія живыя, удивительно выполненныя картины, какъ его акварель „Выздѣлъ цесаревны Елизаветы Петровны“ и небольшая картина „На рѣчкѣ“. Прелесть его портретовъ слишкомъ неоспорима, по, пожалуй, и у него немного такихъ смѣлыхъ, дивныхъ въ живописномъ отношеніи, изящныхъ и оригинальныхъ вещей, какъ портретъ г-жи N N на настоящей выставкѣ, и такихъ прекрасныхъ портретовъ, какъ портретъ Государя. Посмертная выставка другаго нашего огромнаго художника, покойнаго Левитана, не даромъ устроена рядомъ и открылась одновременно съ выставкой „Мира Искусства“. Покойный былъ тоже художникъ до мозга костей, симпатизировалъ новому обществу, участвовалъ во всѣхъ его выставкахъ и, почему знать, можетъ быть, если бы смерть не помѣшала ему, тоже окончательно перешелъ бы въ его ряды. Третій крупнѣйшій художникъ Пестеровъ—тоже участникъ выставокъ „Мира Искусства“ съ самаго ихъ основанія. Наконецъ, кажется, и у насъ начинаютъ вполне признавать крупный талантъ этого оригинальнѣйшаго, интереснаго художника, тоже съ самаго начала своей дѣятельности пошедшаго по самостоятельному пути, свободно отдававшегося своему оригинальному творчеству и выработавшему своеобразный стиль, гдѣ вліянія византизма и прерафаэлизма слились и объединились въ одно гармоничное цѣлое съ индивидуальными особенностями дарованія художника. Многие его эскизы въ этомъ стилѣ для церкви въ Абастъ-Туманѣ проникнуты какой-то особенной тонкой, нѣсколько мягкой, даже, можетъ-быть, женственной прелестью удивительной гармоніей, изящной простотой фантазіи. Но никому изъ молодыхъ художниковъ не суждено, кажется, надѣлать столько шума, какъ Малявину. Невѣжество, грубость, непониманіе публики особенно ярко сказываются въ ея отношеніяхъ къ работамъ этого талантливаго художника. Несправедливость по отношенію къ нему глубоко возмущаетъ. Издѣваться надъ „малявинскими мазками“ сдѣлалось чуть ли не общимъ мѣстомъ. Но что можетъ понимать въ „мазкахъ“ публика, которая еще не научилась смотрѣть картины, которая на выставкахъ не столько смотритъ, сколько нюхаетъ? Какая безконечная безцеремонность, обьясняемая только крайнимъ невѣжествомъ,

*) См. №№ 6 и 7.

врываться въ интимную сторону творчества и мастерства художника, чуть ли не предписывать ему употребление однихъ, а не другихъ кистей! Художникъ обязанъ дать впечатлѣніе, а какими средствами, какими способами, какими кистями—дѣло его личнаго мастерства; онъ не виноватъ въ невѣжествѣ публики, для которой дѣйствительно передъ каждой картиной не мѣшало бы ставить барьеры, чтобы заставить смотрѣть картины, а не вкочахъ ихъ. Вотъ и теперь многіе, начиненные сужденіями такихъ же невѣжественныхъ газетныхъ писаекъ, подходятъ къ портрету Рѣпина, понюхаютъ, усмѣхнутся и прочь пойдутъ, такъ и не видя портрета. А между тѣмъ, несмотря, можетъ быть на обычные у Малявина промахи въ рисунокъ и небрежное отношеніе къ пропорціямъ, это превосходнѣйшій и оригинальнѣйшій портретъ, конечно слишкомъ не банальный, безъ привычнаго „портретнаго“ освѣщенія и позирования, мало того это цѣлая интересная картина, гдѣ изображенъ художникъ *уставшій*, художникъ на склонѣ своей дѣятельности. Я не говорю уже о жизненности, обаятельной смѣлости выполненія, прелести и вѣрности общаго тона, даже о превосходныхъ тонкихъ отдѣльныхъ подробностяхъ рисунка и живописи, напр. кисти руки, держащей палитру. Малявинъ — одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и свободныхъ нашихъ художниковъ, вслѣдствіе чего ему, вѣроятно, и предсказываютъ печальную будущность. Талантливость бьетъ ключемъ въ его крупнѣйшемъ свободномъ творествѣ, въ его исключительномъ дарѣ воспроизведенія, въ той необычайной жизненности, которую онъ сообщаетъ своимъ самымъ размахистымъ вещамъ, въ томъ совершенномъ презрѣніи къ установленнымъ трафаретнымъ формамъ, какое сказывается въ его работахъ. Я желалъ бы восхищаться еще однимъ очень интереснымъ, оригинальнымъ и стоящимъ совершенно особнякомъ художникомъ г. Сомовымъ, тоже свободно отдающимся своимъ влеченіямъ, но... не могу. Я понимаю всю художественность его намѣреній, трогательную искренность его увлеченія, признаю его способность проникновенія, даже извѣстный талантъ, благодаря которому онъ заставляетъ почувствовать всѣ эти качества, но у него нѣтъ, по моему, крупнаго дара воспроизведенія, что особенно сказывается въ лишенныхъ живого тона пейзажныхъ этюдахъ, а несомнѣнный диллетантизмъ и какая-то преднамѣренная окаррикатуренная наивность отталкиваютъ отъ его произведеній. Вотъ, напр., какая художественная, поэтическая, очаровательная по замыслу картинка—„Бѣлая ночь“; какъ много въ ней могло бы быть настроенія, жизни, но развѣ можно мириться съ точно отрѣзанной и втиснутой между стволами березъ головой одной дѣвицы, съ ея кривымъ лицомъ, съ чисто по-диллетантски выскакивающими впередъ подробностями заднихъ плановъ? Развѣ можно мяться съ слабо нарисованными фигурами, каррикатурной наивностью ихъ позъ и положеній въ другой картинѣ „На дачѣ“? Странное болѣзненное, щемлящее чувство оставляютъ послѣ себя картины г. Сомова, точно красивый и интересный человекъ съ различными уродствами въ фигурѣ. Интересно, что то же чувство возбуждаютъ по временамъ и нѣкоторыя скульптурныя вещи кн. Трубецкого, несмотря на его крупнѣйшую талантливость, оригинальную прелесть манеры и какую-то удивительную свѣжесть и непосредственность его работъ. Передавая смѣлой и небрежной на видъ лѣпкой удивительныя тонкости формы, сообщая необычайную жизненность своимъ произведеніямъ, вродѣ напр. „Двушки“ на настоящей выставкѣ, онъ нерѣдко точно преднамѣренно небреженъ въ передачѣ крупныхъ подробностей формы, напр. въ большинствѣ своихъ крупныхъ вещей и портретовъ. Выдающаяся талантливость и вкусъ г. Коровина кажется ни къ чему не оспариваются и такъ ярко сказываются въ декоративныхъ панно, бывшихъ на Всемирной парижской выставкѣ. Публику, кажется, особенно привлекаютъ среднеазиатскія дѣйствительно красивыя по тону, но отзываются всетаки нѣкоторымъ шаблономъ; несравненно интереснѣе многіе сѣверные и сибирскіе мотивы. Прекрасный художникъ—Александръ Бенуа, одаренный большимъ вкусомъ и умѣньемъ. Всѣ его этюды очень интересны и во всѣхъ сказывается полная свобода и намѣреній, и выполненія

художника. Очень хороша и оригинальна картина г. А. Васнецова „Долина“. Публика смѣется надъ „пейзажными настроеніями“ г. Цюнглинскаго, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно изображающихъ ночь, дѣйствительно много и настроенія, и прелести, и вѣрности тона. Не мало интересныхъ и хорошихъ картинъ дали и другіе художники, напр. гг. Пурвигъ („Осень въ поляхъ“, „Лунная ночь“, „Сумерки“, „Лѣсъ осенью“), Руцицъ („Съ береговъ Вилейки“, „Запруда въ Литвѣ“ и нѣкоторые этюды), Досѣкинъ, Святославскій, Вакшеевъ, Браунъ. Очень хороши цвѣтныя гравюры г-жи Остроумовой, уже анакомія, впрочемъ, по ученической выставкѣ въ Академіи. Хотя въ „сказкахъ“ г. Вилибина и не особенно много оригинальнаго, но онѣ очень хорошо и съ большимъ вкусомъ выполнены. Очень сильная и живая по обыкновенію

Балъ художниковъ. (Живая картина).

Рис. А. Любимова.

вещь скульптора Обера „Тигръ“. Очень много интереснаго, изящнаго и оригинальнаго въ выставкахъ г-жъ Якунчиковой и Давыдовой, гдѣ иногда самыми простыми средствами дается впечатлѣніе живописныхъ пейзажей. Однимъ словомъ, простое перечисленіе показываетъ, что на выставкѣ въ сильнѣйшей степени преобладаютъ вещи хорошия, интересные и талантливыя и притомъ многія изъ вѣстныхъ и крупныхъ художниковъ. Что можетъ вызвать огульное осужденіе и глумленіе надъ выставкой (скажу кстати, превосходно устроенной)—трудно понять. Отсутствие шаблона? Заранѣе прицѣпленный ярлыкъ декадентства? Шаблоны и ярлыки дѣйствительно играютъ огромную роль въ сужденіяхъ публики, но вѣдь нельзя же до такой степени не чувствовать свѣжести, оригинальности, прелести свободной живописи, которая несомнѣнно здѣсь оказываются. Вѣдь при вдумчивомъ и безпристрастномъ отношеніи къ искусству даже неудачныя попытки новаго должны казаться не столько смѣшными, сколько трогательными. Надо только отъ всей души желать, чтобы отношеніе публики не пугало художниковъ, чтобы росло число свободныхъ художниковъ, чтобы они поскорѣе и числомъ и силой своей доказали, что они стоятъ на правомъ пути, что смѣшны тѣ, кто смѣется надъ ними, что они—рыцари, смѣло идущіе освободить дивную царевну—живопись отъ лапъ стоголаваго чудовища—буржуазной толпы и тупоумныхъ фанатиковъ „старого“.

А. Ростиславовъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Въ среду, 14-го сего февраля, имѣли счастье представиться Его Императорскому Величеству Государю Императору артисты Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ: артистка Александрова, солистка Его Величества Долина, танцовщица Петипа 1-я и заслуженный артистъ Варламовъ.

* * *

Изъ Москвы телеграфируютъ: декораторъ московскихъ Императорскихъ театровъ г. Гельцеръ уволенъ отъ службы.

* * *

Полковникъ Теляковскій назначенъ исполняющимъ должность управляющаго Императорскими московскими театрами.

* * *

На дняхъ въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества состоятся дебюты г-жи Андросовой въ «Безправной» и «Заза».

* * *

Комитетъ по постановкѣ статуи А. Г. Рубинштейна въ здании с.-петербургской консерваторіи, осмотрѣвъ, 11-го февраля, представленные ему проекты, рѣшилъ заказать статую А. Г. Рубинштейна скульптору Леопольду Бернштаму. Статуя вчернѣ, изъ глины, будетъ представлена къ лѣту текущаго года, а изготовленная изъ мрамора—въ началѣ 1902 года.

* * *

Почетнымъ председателемъ II-го Съѣзда сценическихъ дѣятелей избранъ А. А. Потѣхинъ, а председателями отдѣловъ: I-го (Уставы Т. О. и Союзы)—А. Е. Молчановъ, II-го (Всѣ вопросы, касающіеся театрал. дѣла)—П. И. Вейнбергъ, III-го (Всѣ вопросы, касающіеся театральныя дѣятелей)—А. Д. Лавровъ-Орловскій, IV-го (Вопросы опернаго дѣла)—проф. московск. консерваторіи М. М. Ипполитовъ-Ивановъ.

* * *

† А. Я. фонъ-Ашебергъ. 9 февр. въ г. Скопинѣ, послѣ продолжительной болѣзни (горловая чахотка), скончался баронъ Алексѣй Яковлевичъ фонъ-Ашебергъ, извѣстный театралъ, переводчикъ многихъ пьесъ и оперъ. Онъ родился въ 1839 г. въ Москвѣ и окончилъ юридическій факультетъ московскаго университета, въ 1860 году. Еще будучи студентомъ, А. Я. фонъ-Ашебергъ выступилъ въ литературѣ, помѣстивъ въ еженедѣльной газетѣ Ив. Серг. Аксакова «Молва» нѣсколько статейъ подъ разными псевдонимами. Затѣмъ покойный сдѣлалъ довольно дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Развлеченіе», О. Б. Миллера. Прекрасно знавъ языки и свободно владѣя стихомъ, А. Я. Ашебергъ

† А. Я. фонъ-Ашебергъ.

помѣстилъ въ разныхъ изданіяхъ нѣсколько переводовъ изъ Беранже и изъ польскихъ поэтовъ. Будучи большимъ театраломъ, Ашебергъ перевелъ и передѣлалъ нѣсколько пьесъ съ французскаго и съ нѣмецкаго. Нѣкоторыя изъ нихъ шли на Императорской сценѣ. Покойный собралъ замѣчательную бібліотеку, состоящую изъ 10,000 томовъ. Было-бы жаль, если-бы это единственное театральное книгохранилище оказалось распроданнымъ по частямъ.

* * *

Празднованіе юбилея артиста Д. В. Вольфа въ Народномъ домѣ Императора Николая I перенесено на 27 февраля.

* * *

Н. С. Вехтеръ, режиссеръ Ново Адмиралтейскаго театра, прислалъ намъ письмо за подписью всей труппы, въ коемъ опровергаетъ замѣтку, помѣщенную въ прошломъ №. Ни о какихъ «мастеровыхъ» не можетъ быть рѣчи. Любители же честно и добросовѣстно послужили просвѣщенію народа.

* * *

Г. Ге организовалъ труппу для поѣздки по Прибалтійскому краю. Г. Строителевъ организуетъ поѣздку съ участіемъ О. П. Горева.

* * *

Въ Василеостровскомъ театрѣ въ теченіе Великаго поста будетъ играть оперная труппа.

* * *

Труппа Корня на будущій сезонъ окончательно сформирована. Въ ея составъ входятъ слѣдующія лица: г-жи Блюменталь-Тамарина, Голубева, Дарьялъ, Миткевичъ, Романовская, Щепкина; гг. Леонидовъ (характерныя роли молодыхъ людей), Петровскій (характерныя роли). Остужевъ (любовникъ), Яковлевъ, Свѣтловъ, Сашинъ, Вязовскій, Тарскій (режиссеръ), Соколовскій, Поповъ. Послѣ Пасхи гг. Корня и Синельниковъ уѣзжаютъ въ заграничное путешествіе съ цѣлю ознакомиться съ новинками репертуаровъ Берлина, Лондона и Парижа.

* * *

Въ Воскресенье, 18 февраля, въ Народномъ домѣ Императора Николая II состоится первое представленіе пьесы В. Крылова «Петръ Великій». Этотъ спектакль предназначенъ для прессы.

* * *

Идея концертовъ, гдѣ музыкальное исполненіе сопровождается поясненіями живого слова, заслуживаетъ всякаго одобренія. Блестящій примѣръ историческихъ концертовъ Рубинштейна въ 1888—89 гг. остался почти безъ подражателей. Нынче эта мысль, видимо, возрождается: г. Пузыревскій въ консерваторіи устраиваетъ лекціи съ музыкальными иллюстраціями учащихся, проф. Саккети на баховскомъ вечерѣ читаетъ вступительное слово, подобныя же лекціи г. Шора въ Москвѣ имѣютъ успѣхъ. Къ этимъ же попыткамъ нужно отнести музыкальные вечера учениковъ проф. Демянскаго, гдѣ лекторами являются г. Пузыревскій и г. Переленскій. Въ воскресенье, 4-го февраля, въ Соляномъ Городкѣ состоялся вечеръ, посвященный лирическимъ сочиненіямъ (предыдущіе вечера отведены были этюдамъ, сонатамъ, танцевальнымъ формамъ). Исполняли соответствующаго характера вещи Баха, Генделя, Гайдна, Моцарта, Фильда, Мендельсона, Шуберта, Шумана, Шопена, Листа и нѣкихъ Глинки, Рубинштейна и Чайковскаго. Обойденнымъ оказался почему-то Бетховенъ, хотя у него есть прелестная Bagatelles Лекторъ, г. Переленскій, далъ общую характеристику лиризма, какъ области настроеній по преимуществу, и раздѣлилъ музыкальныхъ лириковъ на двѣ категории: авторовъ, стремящихся прежде всего *выразить* свое настроеніе, и авторовъ, стремящихся *сообщить* свое настроеніе. Старыхъ лириковъ отъ Баха до Шуберта и Мендельсона лекторъ относитъ къ первой категоріи, Шопена, Шумана и современныхъ лириковъ—къ второй. Какъ первая попытка установить различіе между новѣйшей лирикой и предшествующей, это дѣленіе весьма интересно, хотя конечно не исчерпываетъ вопроса. Удачныя параллели изъ лирической поэзіи, противопоставленіе Пушкина и его школы такимъ поэтамъ, какъ Фетъ и Полонскій, помогали слушателямъ уяснить себѣ мысль лектора. Затѣмъ исполненію каждаго автора предпосылалась небольшая характеристика особенностей его лиризма или указывалось настроеніе, выраженное въ данномъ произведеніи. При непривычкѣ нашей публики сознательно разбираться въ своихъ эстетическихъ впечатлѣніяхъ, эти руководящія поясненія имѣютъ особую воспитательную цѣнность. Изъ подробностей отмѣтимъ интересную поддержку Листа о Фильдѣ и нѣрное опредѣленіе Шуберта, какъ «классическаго романтика», «музыкальнаго Пушкина». Исполненіе, если и не всегда возвышалось надъ ученическимъ, то все-таки давало вѣрное понятіе объ исполняемомъ. Развивающее значеніе участія учениковъ въ подобныхъ вечерахъ не подлежитъ сомнѣнію: жаль только, что публика такъ скудно откликается на симпатичное начинаніе профессора Демянскаго. Слѣдующій, послѣдній вечеръ долженъ быть посвященъ программой музыки, которая и по настоящее время является яблокомъ раздора среди теоретиковъ искусства.

Я. Э.

* * *

Микаэль Крамеръ. Последняя пьеса Г. Гауптмана «Микаэль Крамеръ» является въ извѣстномъ смыслѣ продолженіемъ «Одинокихъ». Микаэль Крамеръ—это тотъ же Іоганнесъ изъ «Одинокихъ», но только въ старости. Онъ не погибаетъ подобно Іоганнесу, а находитъ примиреніе съ жизнью. Смерть сына является, само собою, большимъ ударомъ, но однако подлѣяніемъ этого удара, онъ какъ-то сразу вырастаетъ въ великаго человѣка, который становится выше самой жизни, т. е. для котораго больше не существуетъ ни будничныхъ радостей, ни будничныхъ горестей.

Содержаніе «Микаэля Крамера» въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

Въ большомъ провинціальномъ городѣ живетъ семья художника Микаэля Крамера. Самъ Крамеръ, его жена—простая, будничная, какая-то растерянная женщина, дочь Микаэля—эмансипированная дѣвушка и, наконецъ, сынъ Арнольдъ, въ которомъ кроется недюжинный талантъ художника—таковы члены этой семьи. Микаэль Крамеръ—талантливый художникъ, но онъ не чувствуетъ въ себѣ того священнаго огня, который возвелъ-бы его въ рангъ гениевъ. Молодость его, повидимому, связана съ цѣлымъ рядомъ неудачъ. Но эти неудачи не погубили его. Они только оторвали его отъ общества и сдѣлали совершенно одинокимъ. Онъ одинокъ даже

въ своей собственной семьѣ, гдѣ его никто не понимаетъ. Если онъ и не покончилъ съ собой, подобно Иоганнесу Фокерату, то только благодаря надеждѣ на то, что со временемъ у него родится сынъ, который окажется талантливѣе его и счастливѣе, а главное—который пойметъ его и раздѣлитъ съ нимъ его одиночество. Цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ онъ ждалъ этого сына и вотъ жена родила ему Арнольда. Объ этомъ моментѣ Крамеръ рассказываетъ съ особеннымъ увлеченіемъ. Запеленавъ Арнольда, онъ заперся съ нимъ въ своей комнаткѣ, которая съ этой минуты превратилась для него въ храмъ и святилище. «Не я, такъ—ты!» твердилъ въ экстазѣ Крамеръ и страстно молилъ Бога, чтобы сынъ его оказался гениемъ. И желанія его до нѣкоторой степени сбылись. Первые же опыты показывали, что въ Арнольдѣ кроется недюжинный талантъ художника. Правда, этотъ талантъ заключенъ въ невзрачную оболочку (Арнольдъ—горбатъ и уродливъ), но этому Микаэль не придавалъ значенія. Его гораздо больше беспокоили дурныя наклонности, проявляемыя съ раннихъ лѣтъ сыномъ. Арнольдъ прекрасно сознавалъ свою талантливость, но работать онъ не желалъ и проводилъ все время въ трактирахъ и портерныхъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ было хуже.

Надежды, которыми жилъ столько лѣтъ Крамеръ, такимъ образомъ, разбиты. Онъ все глубже и глубже уходитъ въ себя, и все мрачнѣе и мрачнѣе смотритъ на жизнь. Это, конечно, отвѣчается и на остальныхъ членахъ семьи. Жена и Микалина также страдаютъ и также уходятъ въ себя. Теперь всѣ одиноки и всѣ жалки, потому что каждый по-своему переживаетъ тяжелую драму.

Въ эту-то мрачную атмосферу и попадаетъ зритель тотчасъ по поднятіи занавѣса.

Арнольдъ давно уже не придаетъ значенія наставленіямъ отца, ибо отецъ для него—чужой: онъ не способенъ понять внутреннего «я» Арнольда. Крамеръ, напр., не придаетъ значенія внѣшности, но онъ, Арнольдъ, прекрасно знаетъ, что главное его несчастье—уродство. То общество, въ которомъ вращается Арнольдъ, никогда не оцѣнитъ его внутреннихъ качествъ, хотя-бы по одному тому, что онъ горбатъ. Для всѣхъ этихъ Шнабелей, Циновъ, Краутгеймовъ первое дѣло не талантъ, а внѣшность и лоскъ, а ихъ-то и нѣтъ у Арнольда. Къ этому сознанию примѣшивается еще роковая любовь къ Лизѣ Беншъ, пустой и испорченной дѣвушкѣ. Арнольдъ проводитъ цѣлые дни и ночи въ той пивной, въ которой хозяйничаетъ эта дѣвушка. По цѣлымъ часамъ онъ не сводитъ съ нея глазъ, хотя и знаетъ, что отвѣчать она ему не можетъ, такъ какъ ея міросозерцаніе такое же, какъ и у всѣхъ этихъ Шнабелей. Прежде всего Лиза побоится ихъ насмѣшекъ. А смѣются они дѣйствительно зло. Это Арнольдъ знаетъ по себѣ. Они очень мѣтко издѣваются надъ его уродливостью, за что онъ имъ мститъ полными злобы карриатурами, въ которыхъ эти сытые пошляки, неспособные оцѣнить ничего оригинальнаго и ничего дѣйствительно талантливаго, узнаютъ себя. Отношенія все больше и больше обостряются. Арнольдъ смѣлся-бы надъ ними, ибо презираетъ ихъ, если-бы не Лиза. Онъ сознаетъ, что она ихъ никогда не промѣняетъ на него. Это все больше и больше озлобляетъ его. Въ одинъ вечеръ насмѣшки «мучителей», какъ называетъ всю эту компанію Арнольдъ, доводятъ его до того, что онъ стрѣляетъ въ нихъ, а затѣмъ убѣгаетъ изъ пивной, преслѣдуемый всей компаніей.

Арнольдъ успѣваетъ скрыться, но сознание невозможности показаться туда, гдѣ онъ можетъ встрѣтить дорогое существо,—равносильно для него смерти. Къ тому же онъ чувствуетъ себя совершенно одинокимъ, ибо отецъ, мать и сестра давно уже были для него чужими: они не поняли его, не сумѣли раскрыть его душу. Къ чему же тогда жизнь?... Вѣроятно, именно это сознание и довело Арнольда до мысли покончить съ собой.

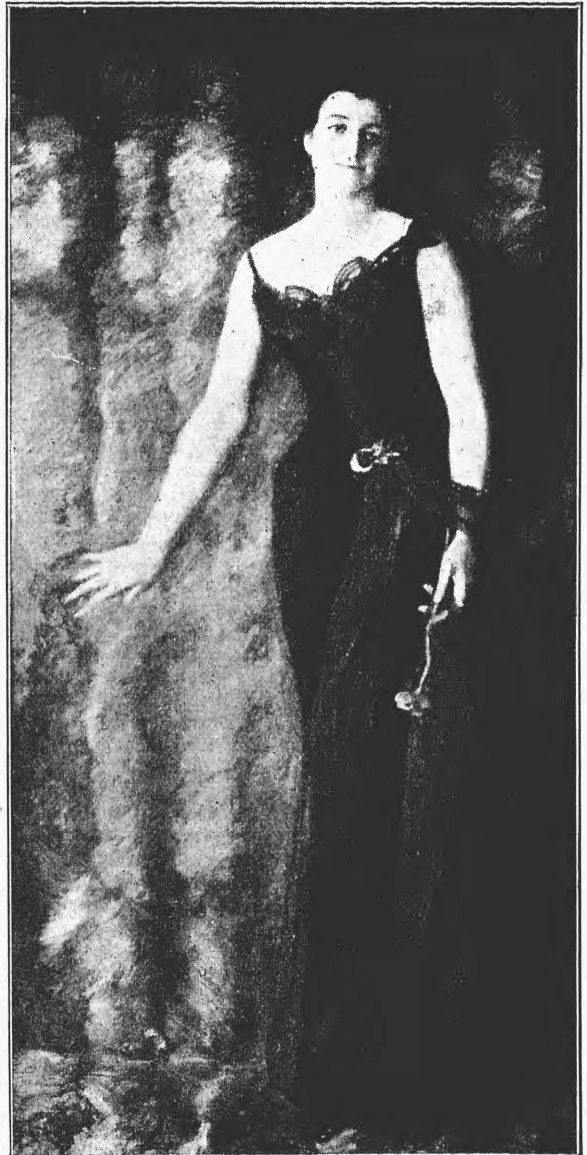
Таковъ смыслъ первыхъ трехъ актовъ. Четвертый—и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній—актъ является самымъ сильнымъ.

Въ мастерской Микаэля, за занавѣсью лежитъ въ гробу тѣло Арнольда. Самъ Микаэль въ одинъ день постарѣлъ на десятки лѣтъ, но моментъ отчаянія для него прошелъ. Страданіе его переродило. Всю жизнь онъ былъ мертвецомъ. И всѣ люди, въ сущности, мертвецы, пока съ ними не случится что-либо великое, которое возвышаетъ человѣка. Смерть и есть величайшее изъ всего великаго. Это величіе смерти подавило его, Крамера. Онъ пересталъ воспринимать все будничное и мелкое, ибо смерть дорогого существа отодвинула все это куда-то на задній планъ. Теперь на первомъ планѣ только все лучшее и великое, ради чего стоитъ жить и что украшаетъ жизнь. «Смерть, говоритъ затѣмъ Крамеръ, тончайшая форма жизни». Она примирила его съ сыномъ, ибо выдвинула впередъ и показала рельефно все то, что было лучшаго въ покойникѣ. До сихъ поръ Крамеръ былъ одинокъ, ибо не было родственной ему души. Но теперь, когда онъ понялъ сына, онъ не одинокъ. О, нѣтъ, теперь онъ знаетъ, что была душа такая же, какъ и у него. Слѣдовательно, онъ правъ и слѣдовательно стоитъ жить и работать. Онъ работаетъ много и прежде, и работалъ одиноко, но тогда онъ не былъ увѣренъ, что его работа имѣетъ смыслъ и значеніе.

Тогда онъ не зналъ, что Арнольдъ понялъ-бы его, если-бы они какъ слѣдуетъ объяснились. Но теперь это для него ясно. И можетъ быть, въ толпѣ этихъ сытыхъ Шнабелей найдется и еще не одна, родственная ему, душа, для которой стоитъ работать. Значитъ, у него въ жизни есть цѣль и значить теперь не мѣсто унынію.

Вотъ, какъ мнѣ кажется, истинный смыслъ тѣхъ монологовъ Крамера, которые кажутся на первый взглядъ туманными и не совсѣмъ ясными.

Но это еще не все и это, пожалуй, не главное.

Портретъ, раб. художника Жиронъ.
Французская художественная выставка въ Петербургѣ.

«Ничтожное, говоритъ Микаэль, *раздвигаетъ*, а все великое — *соединяетъ*». Смерть, какъ и любовь — великая вещь и должна поэтому объединять людей.

И дѣйствительно, мы видимъ, что смерть Арнольда объединила всю семью Крамера. Они всѣ были одиноки и всѣ страдали отъ своего одиночества, но теперь несчастье внесло что-то общее въ ихъ жизнь. Ихъ предполагаемая вина передъ покойнымъ всѣ недоразумѣнія отодвинула на задній планъ и выдвинула впередъ только то, что есть лучшаго въ каждомъ.

Великое несчастье, такимъ образомъ, современемъ, быть можетъ, явится для нихъ источникомъ счастья.

Такъ разрѣшаетъ Гауптманъ проблему, столь близкаго каждому человѣку, одиночества. Онъ нашелъ ему исходъ. И кто знаетъ, можетъ быть въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ онъ еще ярче разработаетъ этотъ вопросъ. Поживемъ—увидимъ.

Пьеса шла въ бенефисъ г. Тинскаго и потому понятно онъ игралъ заглавную роль. Эту роль долженъ играть совсѣмъ не резонеръ, а «герой», по театральной терминологіи. Очень хорошъ г. Орленевъ—Арнольдъ. Эту роль въ репертуарѣ артиста надо поставить наряду съ царемъ Теодоромъ и Раскольниковымъ. Но отъ одного замѣчанія удержаться все же не

могу. Въ сценѣ объясненія съ отцомъ (II актъ) г. Орленевъ чересчуръ ярко подчеркиваетъ ненависть Арнольда къ Микаэлю. Вѣрно-ли это?.. Правда, у Арнольда мало общаго съ отцомъ и онъ, пожалуй, побаивается его, но здѣсь не ненависть, а боль одиночества.

Г-жа Домашева очень старательно изобразила Лизу по шаблону интернациональной ingénue. Здѣсь, мнѣ кажется, опять недоразумѣніе. Лиза—легкомысленна, бездушна, пуста и даже, пожалуй, глупа. За что же ее такъ страстно полюбилъ такой умирикъ, какъ Арнольдъ?.. Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ. Его привлекала къ ней чувственная красота, до которой падки всѣ уроды. Значитъ, Лиза совсѣмъ ужъ не такая безцвѣтная дѣвочка, какой ее изображаетъ г-жа Домашева. Какъ мнѣ кажется, эту роль должна играть *grande-coquette*. Впрочемъ, г-жа Домашева имѣла успѣхъ.

Очень выдержанно сыграла г-жа Холмская Микалину, и недурны гг. Михайловъ и Яковлевъ въ эпизодическихъ роляхъ.
Вл. Линскій.

* * *

Разрѣшенъ на польскомъ языкѣ театральнѣйшій журналъ «Kurier Teatralny» (Театральнѣйшій Курьеръ). Журналъ будетъ издаваться въ Варшавѣ. Въ программѣ журнала встрѣчаемъ слѣдующій любопытный отдѣлъ:

«Отвѣты авторовъ и артистовъ на рецензіи критиковъ варшавскихъ журналовъ».

Вотъ отдѣлъ, который, при желаніи можно пополнить очень легко.

* * *

10 февраля въ Таврическомъ дворцѣ состоялся «балъ-сказка» устроенный слушателями Академіи Художествъ. Декорация зала блистала «образованнымъ» вкусомъ. Малая «входная» зала была украшена панно (эскизъ Е. Шретера), предварявшимъ, что тамъ, за дракономъ, начинается сказка. Кіоски—грибъ-мухоморъ, улей, пещера, лилія и египетскій видъ были хороши на диво. Кто хотя немного знакомъ съ бутафорской частью оцѣнить сколько труда и вкуса вложено въ производство этихъ гигантскихъ ящерицъ, лягушекъ, стрекозъ, пчелъ, пауковъ и проч. и проч.; даже люстры были мѣстами представлены въ видѣ совинихъ гнѣздъ; фонтанъ—бассейнъ, наполненный рыбой и освѣщенный въ водѣ же разноцвѣтными лампочками и пѣніе птицъ среди деревьевъ дополняли общій тонъ. Большой интересъ представляли живыя картины, изображавшія эпизоды изъ наиболѣе извѣстныхъ европейскихъ сказокъ. Здѣсь была «Брокенская легенда», «Борьба Зигфрида съ дракономъ», «Василиса Прекрасная», «Баба-Яга», «Избушка на курьихъ ножкахъ», «Веселый скрипачъ», русалки и потопленный бояринъ и проч. Всѣ эти живыя съ ужаснымъ дракономъ включительно картины въ заключеніе совершили шествіе въ публику.

Костюмовъ по сравненію съ прошлымъ годомъ было меньше; меньше было и красивыхъ женскихъ лицъ, которыя, какъ извѣстно, чрезвычайно оживляютъ костюмъ. Выдѣлялась строгой «академической» выдержанностью туалета г-жа Андреянова—сфинксъ (1-й призъ); интересенъ былъ декадентскій костюмъ М. М. Петина (второй призъ). Въ полномъ цвѣту свѣжій «мохровый макъ» (г-жа С.—третій призъ) привлекалъ общее вниманіе; изъ-за него произошло даже нѣкоторое раздѣленіе на партіи. Интересны были также «золото» (г-жа Х.—третій призъ отъ учениковъ А. Х.), *fantaisie* (г-жа Бакеркина—первый призъ отъ публики) и г-жа Беклемишева—второй призъ. Изъ мужскихъ костюмовъ выдѣлялись «торреадоръ»—г. Габріэланцъ (2-й призъ), «китаецъ» (г. Тиръ—3-й); мало оцѣненъ былъ «Ромео»—хорошее воспроизведеніе картины Маковского и полный восторгъ вызвалъ гигантъ—«Зигфридъ» (1-й призъ)—г. Генпенеръ, слушатель-одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній. И поелъ этого говорите о переутомленіи учащейся молодежи...

О. Д.—овъ.

* * *

Балъ художниковъ. (Живая картина).

Несмотря на ограниченныя средства, отпущенныя Невскимъ обществомъ устройства народныхъ развлеченій въ бюджетъ новаго, только-что отстроеннаго, народнаго театра этого общества и несмотря на то, что труппа составлялась на скорую руку, спектакли въ этомъ театрѣ собираютъ все болѣе и болѣе народу.

По смѣтѣ прихода, составленной обществомъ, ожидалось, что праздничные спектакли дадутъ въ среднемъ 350 руб., а будничные—250 р. Однако дѣйствительность превзошла самыя радужныя ожиданія: праздничные спектакли пока даютъ на кругъ около 400 р., а будничные—около 290 руб.

* * *

Народные театры. 5-го февраля состоялось засѣданіе комитета по постройкѣ народнаго дома въ Тифлисъ. Комитетъ постановилъ: приступить къ постройкѣ народнаго дома у Вѣрийскаго моста, на городскомъ участкѣ, какъ только сумма пожертвованій достигнетъ 20 тыс. руб. (пока собрано около 13 тыс. р.). Недавно умершая въ Тифлисъ богатая домовладѣлица Панозова завѣщала на будущій народный домъ въ Тифлисъ 1,000 рублей.

* * *

Желающіе подвергнуться дебютамъ, устраиваемъ Р. Т. О., подаютъ заявленія о томъ въ Московскомъ Бюро. Въ коммисію по наблюденію за дебютами выбраны: П. М. Медвѣдевъ, Н. Н. Синельниковъ, П. П. Медвѣдевъ, А. Д. Лавровъ-Орловскій, Г. И. Матковскій, П. П. Ивановскій, Е. Ф. Бозеръ и А. П. Петровскій.

* * *

СДАЧА ТЕАТРОВЪ и АНГАЖЕМЕНТЫ.

Кіевъ. На будущій сезонъ въ труппѣ Н. Н. Соловцова остаются слѣдующіе артисты: г-жи Глѣбова, Пасхалова, Велизарій, Звѣрева, Инсарова и гг. Шуваловъ, Недѣлинъ, Степановъ и Скуратовъ. Относительно г. Багрова вопросъ еще окончательно не выясненъ. Выбываютъ изъ труппы г-жи Морская, Кондорова, Сарматова, Орлова, Болотина и гг. Смоляковъ, Леонидовъ, Волховской, Николаевъ, Костюковъ и Борисовъ. Въ театрѣ Бергонье постомъ будетъ играть оперетка съ г-жей Смолиной во главѣ, а на Пасху—петербургскій «Фарсъ». Въ новомъ театрѣ «Соловцовъ» предполагаются спектакли г-жи Яворской, нѣмецкой оперетки г. Шульца, русской оперы дирекціи г. Зурабова съ участіемъ г-жъ Пагани, Большка, Ершова, Яковлева и Тартакова, и драматическихъ труппъ во главѣ съ г. Дальскимъ и Коммиссаржевской.

Херсонъ. Въ театральную коммисію поступили предложенія антрепренеровъ гг. П. П. Ивановскаго, М. И. Каширина и г-жи Малиновской о сдачѣ имъ театра на будущій сезонъ.

Житомиръ. Артистъ русской оперы А. А. Серебряковъ заявилъ о желаніи снять житомирскій театръ въ 1901—1902 г. Г. Серебряковъ предлагаетъ держать первую половину сезона оперу съ большимъ составомъ и новѣйшимъ репертуаромъ, а вторую половину сезона драму.

Томскъ. Театръ Корсакова на 1901—1902 г. снятъ мѣстнымъ помѣщикомъ Н. Богдановичемъ за 8,500 р. безъ вѣшалки и буфета.

Казань. Теноръ г. Южинъ приглашенъ г. Бородаемъ съ Пасхи этого года по 12 мая 1902 г. Оперная труппа г. Борода откроетъ свои спектакли въ Казани, гдѣ будетъ играть до 1 мая, затѣмъ—въ Москвѣ въ театрѣ «Эрмитажъ», а съ 1 сентября—въ Кіевѣ. Въ составъ труппы пока вошли: г-жи Брунъ, Боброва, Полякова, Томская, Ковалькова, гг. Южинъ, Бройнинъ, Арцимовичъ, Брикинъ, Петровъ, Тасинъ и Ивановъ. Ведутся переговоры еще съ другими артистами.

Астрахань. На будущій зимній сезонъ театръ снятъ г. Никулинымъ.

Симферопольскій городскимъ комитетомъ попечительства о народной трезвости избрана особая театральная коммисія, которая будетъ завѣдывать и руководить репертуаромъ народныхъ спектаклей въ дворянскомъ театрѣ.

Оперные спектакли въ залѣ Консерваторіи.

Г-жа Фингертъ.

Саратовъ. Г. Соболищиковъ-Самаринъ прислалъ городскому головѣ телеграмму, въ которой выражаетъ согласіе — взять на себя антрепризу городского театра на 2 года, на условіяхъ, предложенныхъ городомъ, т. е. 10 т. р. арендной платы, буфетъ и въшалки за городскимъ управленіемъ.

Кременчугъ. Арендаторъ городского сада и лѣшняго театра г. Пашковскій надняхъ подписалъ контрактъ съ русской опереткой г-жи Славинной, которая открываетъ спектакли 30 го апрѣля. Контрактъ подписанъ на два мѣсяца: май и июнь. На остальные мѣсяцы лѣтняго сезона предполагается фарсъ.

Одесса. Опереточная труппа остается въ Одессѣ и на время поста. Въ труппу приглашены г-жи Борская, Делормъ и г. Бураковский.

Новороссійскъ. Лѣтній театръ снялъ г. Ганзенъ.

Гомель. Лѣтній театръ снятъ г. Никулинымъ.

Старая Русса. Театръ на лѣтній сезонъ снятъ Э. В. Холмской.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Одесса. Въ Русскомъ театрѣ закончились спектакли опереточной труппы г. Новикова. За время пребыванія въ Одессѣ ею было поставлено 36 представлений, при чемъ валового сбора взято около 30000 р.

Противъ ожиданій, оперный сезонъ не принесъ въ обществу г. Соловцову убытка. За 67 оперныхъ спектаклей выручено около 94,000 рублей, что на-кругъ составляетъ 1,400 рублей, т. е. приблизительно ту именно сумму, въ которую обходится антрепренеру спектакль.

Томскъ. Перлы мѣстныхъ рецензій.

Здѣсь недавно разыгрался любопытный инцидентъ. Нѣкто г. Цейнеръ написалъ пьесу «Семья Цыгановыхъ», которая должна была идти въ бенефисъ артиста г. Раковского. Какимъ-то образомъ распространились слухи, что въ пьесѣ введена семья мѣстнаго кушца г. Фуксмана. Последній обидѣлся и поднялъ полемику въ мѣстныхъ газетахъ. Авторъ отрицаетъ, будто онъ вывелъ г. Фуксмана, а послѣдній утверждаетъ печатно, что это именно такъ. Кто изъ нихъ правъ — рѣшать не беремся, хотя думаемъ, что г. Фуксману лучше себя знать.

«У всякаго, господа, свои привычки. Дурныя и хорошія — это дѣло вкуса, господа... У меня, напримѣръ, есть привычка, явившись поздно ночью домой, осмотрѣть — все-ли на мѣстѣ, до «подъ кровати» включительно...

Если бы кто-нибудь вздумалъ картинно изобразить такую мою привычку и поставить на театральной сценѣ, я пожалуй бы плечами, сплюнулъ и сказалъ — бываетъ!.. Вотъ точно такъ я поступилъ въ воскресенье, въ театрѣ...

Тифлисъ. 6 февраля состоялось освященіе новаго зданія тифлискаго Артистическаго общества. Зданіе отвѣчаетъ всѣмъ послѣднимъ требованіямъ строительнаго искусства. Изъ обширнаго вѣстибюля двѣ марморины лѣстницы ведутъ на изящно отдѣланную площадку, съ одной стороны которой помѣщается величественный концертный залъ, а съ другой — театральный залъ. Театръ рассчитанъ на 800 чел. и имѣетъ четыре яруса. Врашающаяся сцена даетъ возможность сокращать антракты.

Рига. «Приб. Кр.» возмѣлъ смѣлость неодобрительно относиться къ дѣятельности мѣстнаго музыкально-драматическаго общества. Тогда общество заявило, что оно «не желаетъ видѣть въ своей средѣ кого-либо изъ членовъ редакціи» и отобрала редакціонный билетъ. Заявленіе это подписано полковникомъ Кореневымъ.

Въ Вильнѣ другой полковникъ г. Слезкинъ также отбиралъ билеты отъ непокорныхъ рецензентовъ.

Очевидно, полковники, становясь во главѣ театровъ, смотрятъ на нихъ, какъ на свой полкъ.

Саратовъ. Въ «Сар. Л.» рецензентъ г. Букининъ разсказываетъ, что на представленіи оперы «Пѣснь торжествующей любви» къ нему подошелъ одинъ господинъ и, назвавшись мужемъ артистки г-жи Шау, довольно энергично сталъ просить не писать ничего о его супругѣ. Рецензентъ отвѣчалъ, что не писать того, что думаетъ, онъ не можетъ, но что, смотря на его просьбу съ точки зрѣнія семейнаго благополучія, онъ можетъ ему доставить удовольствіе и совсѣмъ умалчивать объ игрѣ и пѣніи его супруги г-жи Шау. Мужъ артистки закончилъ свою просьбу слѣдующими словами: «Да, я васъ очень прошу объ этомъ. Она за рецензію платить не можетъ и потому прошу оставить ее въ покоѣ».

Тифлисъ. Въ театрѣ грузинскаго дворянства на опереточномъ спектаклѣ 21-го января разыгралась въ зрительномъ залѣ сцена немного опереточнаго характера. Одна дама, сидѣвшая въ партерѣ, вдругъ подняла шумъ и стала кричать на мужчину, сидѣвшаго сзади ея, за оскорбленіе, яко-бы нанесенное ей. Мужчина, желая избѣгнуть скандала, покидаетъ тотчасъ театръ. Въ это время — какъ сообщаетъ «Нов. Об.», — появляется на мѣсто происшествія защитникъ оскорбленной дамы и наноситъ, съ своей стороны, оскорбленіе дѣйствіемъ лицу, ни въ чемъ неповинному, сидѣвшему рядомъ съ оскорбителемъ. Поднимается въ театрѣ суматоха, и лишь съ выходомъ изъ зрительнаго зала оскорбителя и оскорбленного разъясняется недоразумѣніе.

Владивавназъ. Новый родъ искусства. Какъ актеръ Алексинъ приглашалъ на свой бенефисъ. Ставилась «Дама отъ Максима», которую сопровождало слѣдующее объясненіе: «задача автора — не сухое нравовѣдѣніе, не прописная мораль, которую тартюфы XX вѣка «обязательно» хотѣтъ видѣть въ каждомъ драматическомъ произведеніи, нѣтъ, задача автора дать рядъ юмористическихъ неожиданностей, вытекающихъ изъ обыкновенныхъ житейскихъ положеній, проще говоря развѣлечь, вызывая смѣхъ у изнервничавшаго обывателя». Желая вызвать этотъ смѣхъ бенефициантъ, кромѣ того, ставитъ двѣ пьесы собственнаго сочиненія «Скандалъ на дачѣ» и «Безумная любовь». Последняя, по опредѣленію автора является собой «новый родъ искусства — психо-мелодикломація».

Все это очень хорошо, если бы при новомъ родѣ искусства бенефициантъ не забывалъ и стараго искусства — жить въ добромъ согласіи съ русской грамматикой и этикою артиста.

Двинскъ. Для поправленія дѣлъ и привлеченія публики дирекція, выпустила письма начинающія такъ:

«Вполнѣ сознавая, что спѣшныя спектакли, шедшіе въ Двинскомъ театрѣ отъ 21-го сего сентября по 26-е по разнымъ причинамъ: вслѣдствіе 1) главнымъ образомъ дебютуемыхъ нѣкоторыхъ, не вполнѣ извѣстныхъ по своимъ достоинствамъ, артистовъ, которымъ нельзя было отказать въ дебютѣ; 2) спѣшной постановки пьесъ; 3) малаго числа репетицій; 4) незнанія вполнѣ полнаго вкуса двинской публики и по другимъ, отчасти даже независѣвшимъ отъ дирекціи причинамъ, — шли не вполнѣ удовлетворительно, — что было отчасти и вслѣдствіемъ несоотвѣстствія ролей амплуа нѣкоторымъ артистамъ». Такимъ образомъ дирекція сама сознаетъ, что *тедніе* спектакли *шли* «не того», но въ будущемъ обѣщаетъ исправиться, напримѣръ, тѣмъ, что въ пьесѣ M-me S'ans Gène будетъ участвовать русскій казакъ, который исполнитъ танецъ «казачка» — и съ этого спектакля дирекція смѣло приглашаетъ Васъ, м. г. посѣщать спектакли нашей труппы».

Пойдемъ, читатель.

Письма въ редакцію.

Въ № 43 «Театръ и Искусство» за минувшій годъ разсказывается о столкновении моемъ съ г. Форкатти.

Въ разсказѣ г. Форкатти заключается много вымысла. Во-первыхъ, я не водилъ да и не могъ водить въ театръ «свое семейство» (состоящее, впрочемъ, всего изъ двухъ лицъ, а не изъ четырехъ) уже по одному тому, что семья моя, съ 10-го іюня по половины августа, проживала въ Пятигорскѣ; самъ я, тоже, не бывалъ въ театрѣ ни въ іюнѣ, ни въ іюлѣ. И вотъ, когда окончились драматическіе спектакли и началась, съ половины іюля опера, Форкатти, видя, что я въ театръ не хожу, пустилъ кресло агента въ продажу. Когда я, въ половинѣ августа, зашелъ въ первый разъ въ театръ и увидѣлъ свое мѣсто занятымъ, то Форкатти сказалъ мнѣ, что онъ «передалъ мое мѣсто другому лицу, доктору П-ову». Я ему объяснилъ, что онъ не имѣлъ никакого права ни продавать, ни передавать мѣсто, занимаемое мною какъ агентомъ. Послѣ этого объясненія, мое кресло во второмъ ряду, второе отъ края — было мнѣ предоставлено по прежнему, и я совершенно забылъ объ этомъ пустякѣ.

Мое столкновѣніе съ г. Форкатти произошло совсѣмъ не изъ-за перемѣны мѣста въ театрѣ, котораго я почти не посѣщалъ, а вотъ изъ-за чего. Минувшимъ лѣтомъ, Форкатти

началъ спектакли въ кисловодскомъ театрѣ 16-го іюня, драмю. Онъ долженъ былъ присылать мнѣ авторскія деньги, согласно правиламъ, *послѣ каждою спектакля*; однако, онъ уплатилъ ихъ мнѣ лишь 23 іюля, т. е., спустя мѣсяцъ и 7 дней послѣ начала спектаклей, — и то лишь послѣ многократныхъ напоминаній и увѣщаній. Затѣмъ, на оперные спектакли Форкатти пригласилъ въ Кисловодскъ — какъ онъ анонсировалъ на афишахъ — «Товарищество артистовъ Императорскихъ оперъ», и я, въ силу имѣющихся у меня инструкцій и циркуляра Комитета Общества объявилъ антрепренеру 23-го іюля — какъ только появились анонсы о прибытіи этого товарищества, — что онъ долженъ будетъ уплативать за переводныя оперы не по 2 рубля за актъ, а по четыре.

Форкатти, по окончаніи сезона, не доплатилъ авторскихъ 94 рубля, — и я, высылая деньги и счета въ центральное управленіе нашего Общества въ Москву, долженъ былъ, конечно, сообщить и объ этомъ неаккуратномъ расчетѣ г. Форкатти. Вслѣдствіе этого, Комитетъ Общества, по мѣсту новой антрепризы г. Форкатти въ Таганрогъ, поручилъ тамошнему агенту *довыяснить* эти 94 рубля; а такъ какъ, антрепренеръ сталъ вновь спорить и отказываться отъ уплаты этихъ денегъ, то ему и было воспрещено ставить пьесы и оперы членовъ Общества *).

Вотъ въ чемъ, собственно, и состоялъ весь инцидентъ. Г. Форкатти почему-то вообразилось, что размѣръ поактной платы зависѣлъ отъ меня, между тѣмъ, какъ я ни увеличивать плату, ни уменьшать ее не имѣю, конечно, никакого права и основанія.

«Таганрогскій Вѣстникъ» моего опроверженія не напечаталъ, — и я счелъ за лучшее обратиться къ суду, съ жалобою — на антрепренера Форкатти, сочинившаго оскорбительное для меня письмо, и на редактора названной газеты.

И. Захаринъ (Ясунинъ).

М. Г. г. редакторъ. Прошу васъ дать мѣсто на страницахъ уважаемаго журнала вашего слѣдующему опроверженію.

Въ № 52 журнала «Театръ и Искусство» помѣщена корреспонденція изъ Ростова на-Дону С. Ч. Въ корреспонденціи этой, между прочимъ, говорится обо мнѣ, антрепренерѣ Нахичеванскаго городского театра. Въ видахъ возстановленія истины и моей репутации, я вынужденъ дать нижеслѣдующее объясненіе.

1. Въ началѣ сезона я былъ приглашенъ въ труппу г. Анчарова-Эльстона. Послѣ пяти первыхъ спектаклей, антреприза г. Анчарова-Эльстона рухнула. Вся труппа и оркестръ остались не у дѣлъ. Тогда городская управа обратилась ко мнѣ и предложила взять антрепризу съ тѣмъ непременнымъ условіемъ, чтобы вся труппа г. Анчарова-Эльстона *in corpore* вошла бы во вновь формирующую труппу. Требованіе управы клонилось къ тому, чтобы масса людей среди сезона не оставалась-бы по винѣ г. Анчарова-Эльстона и неудачно сложившихся обстоятельствъ безъ заработка. Думаю, что это требованіе управы было и разумно, и гуманно, и г. С. Ч. напрасно иронизируетъ говоря «что въ драмѣ царить или полное благополучіе подъ *мудрой стѣною* нахичеванской управы... Неужели по мнѣнію г-на С. Ч. было-бы «мудрѣе» если бы городская управа, поступила бы иначе въ данномъ вопросѣ? Далѣе, говоря о репертуарѣ, г. С. Ч. перечисляя пьесы, поставленныя съ 14-го по 28-го ноября прошлаго года, между прочимъ пишетъ: «Послѣднія двѣ пьесы («По гривенничку за рубль» и «Пришла бѣда, растворяй ворота») служатъ, какъ намъ кажется, предсказаніемъ недалекаго будущаго антрепризы». Во всякомъ случаѣ до сихъ поръ всей труппѣ и оркестру мною своевременно выплачено жалованье, до послѣдней копѣйки, что явно доказываютъ прилагаемыя подписи при семъ письмѣ отъ всей труппы и оркестра.

Антрепренеръ Е. А. Бялевъ.

Библиографія.

Вышелъ «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», подъ редакціею г. Дягилева. Внѣшность его совершенно измѣнилась, и къ лучшему. Хотя пишущій настоящія строки не раздѣляетъ слабости г. Дягилева къ шрифтамъ, напоминающимъ шрифты типографіи Края, въ коей печатались «100 русскихъ литераторовъ», и обложкамъ, которыя можно смѣшать съ обложками дѣла въ губернскихъ правленіяхъ, но тѣмъ не менѣе, клише, бумага, печать — все поставлено на высоту самыхъ строгихъ требованій. Вѣроятно, дирекція увеличила кредитъ на это изданіе, — и прекрасно сдѣлала. Г. Дягилевъ, въ качествѣ редактора «Міра искусства», весьма свѣдущій въ вопросахъ художественной печати, довелъ эту сторону дѣла до возмож-

наго у насъ совершенства. Конечно, это еще не печать Гупиля, но это превосходно.

За то, что касается плана, содержанія и характера «Ежегодника», то откровенно говоря, редакція г. Дягилева есть шагъ назадъ, а не впередъ. При А. Е. Молчановѣ подробно иллюстрировались всѣ по возможности пьесы, шедшія въ сезонѣ. Пусть эти иллюстраціи были не столь художественны, но онѣ удовлетворяли практическимъ задачамъ: антрепренеры, актеры учились по «Ежегоднику» гриммуise en sen амъ и т. д. Г. Дягилевъ обращаетъ главное и единственное вниманіе на художественныя задачи, минуя практическія. Поэтому помещенъ снимокъ съ портрета г. Ге, работы Рѣпина, и всѣ вообще художественные снимки, между тѣмъ какъ, напримѣръ, изъ пьесъ, шедшихъ въ сезонѣ, — чуть-лине единственная, иллюстрированная въ «Ежегодникѣ» — это «Биронъ». Какъ ни превосходенъ портретъ Рѣпина, но ему мѣсто болѣе въ журналѣ, подобному «Міру искусства», нежели въ «Ежегодникѣ».

Соотвѣтственно со скудостью практически-полезныхъ иллюстрацій, слѣдуетъ отмѣтить скудость статей по театру и легковѣсность ихъ. Въ статьяхъ прежняго «Ежегодника» попадались недурныя статьи по исторіи русскаго театра, столь мало еще изслѣдованной. Весь текстъ нынѣшняго «Ежегодника» состоитъ изъ двухъ, довольно поверхностныхъ статей, посвященныхъ Волкову и Савиной, до хронологическаго изложенія сезона. За то иллюстраціи, относящіяся къ юбилею русскаго театра, превосходны. Замѣтимъ еще, что оригинальные портреты, воспроизведенные въ «Ежегодникѣ», въ большинствѣ неудачны. Неудаченъ портретъ А. Е. Молчанова, работы Бакста. Почтенному А. Е. придано выраженіе Коріолана, отнюдь не свойственное оригиналу. Совсѣмъ не похожа М. Г. Савина, на портретъ Браза. Лучше другихъ портретъ Ив. А. Всеволожскаго. Вообще глава, относящаяся къ послѣднему, едва-ли не самая удачная.

Н. Н.

Типа дн-Лоренцо.
(Къ гастролѣмъ въ Петербургѣ).

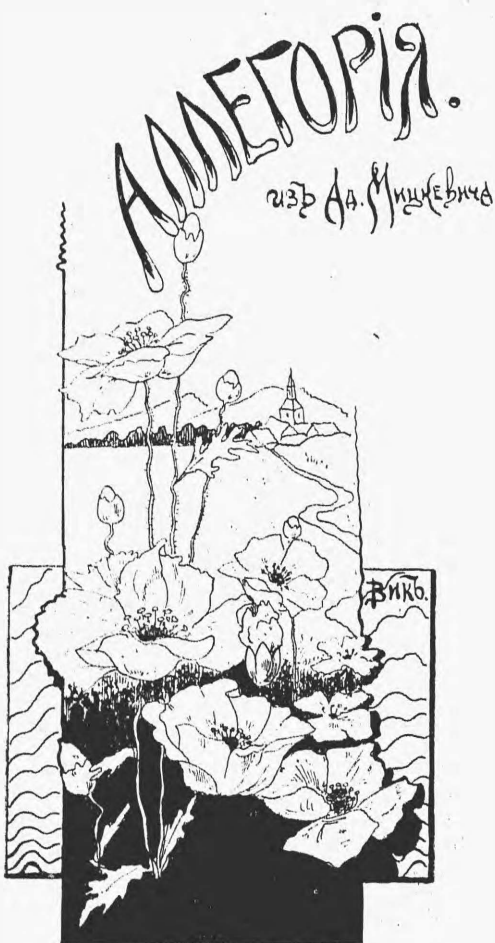
«Одинъ суженый», сцены въ 1 д. барона Н. А. Тизенгаузона. Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ въ квартирѣ Кожевниковыхъ. До поднятія занавѣса Ольга, имѣющая, какъ подобаетъ водевильнымъ вертушкамъ, добродѣтельнаго отца и мать «пару родителей» усѣбла отказать уже тремъ женихамъ. Отецъ и мать вертушки справляютъ черезъ нѣсколько дней свой «юбилей» т. е. серебряную свадьбу. Такъ какъ они очень добродѣтельные люди, то «общество избрало комитетъ», который рѣшилъ чествовать серебряную свадьбу на сценѣ «сначала литературно-музыкальнымъ отдѣленіемъ», а потомъ постановкой комедіи, приличествующей случаю, именно — «Сердце принцессы Озры» г. Буренина. Для исполненія же мужской роли специально выписанъ самимъ губернаторомъ — что бы вы думали? инженеръ путей сообщенія Холостенковъ, «крупной величины талантъ». «Талантъ» говоритъ слѣдующія слова: «Въ какое ужасное положеніе попадаетъ брачная пара, несплоченная любовью, когда съ теченіемъ ихъ совѣстной жизни все сильнѣй и ярче станутъ выступать тѣни ихъ пещероватостей или ихъ другихъ наклонностей». Дѣйствіе кончается дружнымъ пѣніемъ куплетовъ:

Слаше ты всего на свѣтѣ
Горьче ты, любовь, всего
Нѣтъ больнѣе, нѣтъ отраднѣй
Обаянья твоего.

На обложкѣ книги красуется загадочная надпись «Литература», необходимость которой, по прочтеніи пьески, становится довольно ощутительной.

О. Д-овъ.

*) Въ декабрѣ минувшаго года Форкатти уплатилъ эти деньги, — и запрещеніе было съ него снято.

... Но послушай меня!..

Нѣтъ не слышитъ она,—

«Взоръ въ пространствѣ безумно блуждаетъ;

Словно статуя — такъ неподвижна, блѣдна...

То смѣется, то тихо рыдаетъ.

«Это ты, дорогой мой?! О, да! Это ты!

Послѣ смерти ко мнѣ ты вернулся!..

Узнаю я одежду твою и черты...

Но молчи! что-бъ никто не проснулся!

Блѣдной смерти печать на чертахъ

дорогихъ,

И могильнымъ ты холодомъ дышешь!..

О, приди! я согрѣю въ объятяхъ моихъ,

Я вдохну въ тебя жизнь!.. Ты слышишь?

Ты слышишь—ужъ цѣлыхъ два года прошло,

Какъ ты умеръ! Два года! О, милый!

Такъ возьми и меня—мое время пришло

Съ этой жизнью бороться нѣтъ силы!

Среди чуждой толпы тяжело мнѣ страдать,

Я ея злобный смѣхъ ненавижу!

И не хочетъ она моей рѣчи понять,

И не видитъ того, что я вижу!..

О, останься еще! Пусть продолжится сонъ!

Ты всего мнѣ на свѣтѣ дорож!

О, останься!.. Но вспыхнулъ зарей небосклонъ...

Ты уходишь?!.. Исчезъ онъ!.. О, Боже!..»

И тяжелого горя наплывъ такъ великъ,

Что безъ чувствъ она съ крикомъ упала.

И сбѣжался народъ на безумный тотъ крикъ,

И въ волненіи чернь восклицала:

— О, молитесь истъ! Такъ ее онъ

любилъ,

Что душою онъ съ нею остался!..

И невольно колѣна я самъ преклонилъ...

Но тутъ голосъ въ толпѣ вдругъ раздался:

— Да опомнитесь! нѣтъ никого

въдѣ, друзья!—

Говорить намъ старикъ—здѣсь нѣтъ чуда

Помутился отъ горя разсудокъ ея...

Духи—выдумка темнаго люда!

Ну да развѣ ученый старикъ раз-

беретъ

То, что видитъ толпа тамъ простая!

Эта дѣвушка Чувство, а этотъ народъ—

Это—Вѣра народа святая.

— Ты лишь мертвою истиной могъ

овладѣть

Непонятной для люда простого,—

Чтобы «Слово» слышать,—нужно сердце

имѣть

И читать ясно въ сердцахъ другого!

А. А. Муссеръ-Викентьевъ.

„Три сестры“ *).

I.

Послѣ смерти бригаднаго командира остались три дочери и сынъ Андрей. Семья жила раньше въ Москвѣ; юность сестеръ прошла въ уѣздномъ городѣ—гдѣ и умеръ генералъ, оставивъ дѣтямъ домъ и прекрасное образованіе: сестры знаютъ нѣсколько языковъ, братъ Андрей готовится сдѣлаться профессоромъ.

Сестра Маша при жизни отца вышла замужъ за учителя гимназіи въ томъ же городкѣ. Она не любитъ мужа и тяготится своею жизнью. Старшая Ольга даетъ уроки, младшая Ирина „стремится къ труду“—обѣ мечтаютъ переѣхать въ Москву, гдѣ жизнь полна и прекрасна. Это связано съ тѣмъ, что братъ Андрей получить кафедру въ московскомъ университетѣ.

Братъ Андрей—человѣкъ вялый, сентиментальный—въ промежуткахъ между учеными занятіями игралъ на скрипкѣ. Потомъ вдругъ влюбился въ провинціальную дѣвицу и стремительно женился на ней. Провинціалочка забрала въ руки своего мужа и съ нимъ мало-по-малу надежды сестеръ. Андрей остался въ городѣ служить въ земской управѣ. Ольга стала еще больше работать. И Ирина поступила на телеграфъ. Мечта о Москвѣ потускнѣла, но не оставлена.

Въ домѣ бываетъ военное общество. Ирину любятъ два офицера: баронъ Тузенбахъ и Соленый. Но она не любитъ ни того, ни другого: „это“ откладывается до Москвы. Ольгу утомляютъ ея занятія. Ирина чувствуетъ отвращеніе къ своей работѣ и не понимаетъ, что могло ее радовать въ стремленіи къ труду. Мелкія осложненія жизни (братъ опустился, проигрываетъ въ карты; робкая провинціалочка обратилась въ вѣдму и наводнила домъ целенками) подавляютъ Ирину. Она съ отчаяніемъ думаетъ, что едва-ли когда-либо переѣдетъ въ Москву.

Маша полюбила полковника Вершинина. Объ этомъ

*) П. М. Ярецъ — большой поклонникъ новыхъ началъ въ искусствѣ и театрѣ. Не этимъ ли объясняется восторженность его отношенія къ пьесѣ А. П. Чехова и къ ея исполненію? Мы вернемся къ этой пьесѣ, когда она пойдетъ въ Петербургъ.

Прим. ред.

знаютъ всѣ: и мужъ Маши и сестры. Это поселяетъ тревожную атмосферу. Провинціалочка злобствуетъ и къ тому же измѣняетъ мужу съ предсѣдателемъ управы, гдѣ членомъ состоитъ Андрей. Андрей проигравшись, заложилъ домъ сестеръ. Сестры вянутъ, томятся—все дальше и дальше уходитъ мечта о Москвѣ. Въ концѣ концовъ Ольга совѣтуетъ Ирину выйти за Тузенбаха, потому что онъ „хорошій человѣкъ“. Тузенбахъ рѣшаетъ утопить жизнь въ трудѣ до изнеможенія и оставляетъ военную службу.

Бригаду неожиданно переводятъ въ другой городъ. Маша едва не сходитъ съ ума, расставаясь съ Вершининымъ. Соленый убиваетъ на дуэли жениха Ирины. Ольга окончательно втянулась въ ненавистную работу какъ начальница въ гимназіи. Андрей катается въ колясочкѣ „Бобика“, въ то время какъ его жена наигрываетъ „Молитву дѣвы“ своему любовнику. Сестры съ тоской спрашиваютъ: „для чего мы живемъ и страдаемъ?“

II.

Возможно, что „Три сестры“—не лучшая изъ чеховскихъ работъ для сцены, но что она—наиболѣе сильная въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я не знаю произведенія, которое было бы болѣе способно „заражать“ тяжелымъ навязчивымъ чувствомъ. Идеалы сестеръ безформенны и жизнь совсѣмъ не такъ глупа, но большой талантъ способенъ подавлять, отъ его гнетъ нельзя отгнѣшиться. „Три сестры“ камнемъ ложатся на душу. Въ этомъ чувствѣ столько же ближайшихъ разумныхъ оснований, какъ въ тоскѣ въ осенній непогожий день. Вообще человѣку всегда есть чѣмъ страдать: тоской по совершенству. Но въ этомъ страданіи скрытъ весь смыслъ и вся красота его жизни.

Сестрамъ „хочется жить“. И онѣ живутъ, мечтая о счастіи, презирая страданія и не замѣчая, что страданіе является единственнымъ источникомъ ихъ жизни. Маша—самая жизнеспособная, беретъ отъ жизни и большую долю „красоты страданія“. Сестра Ольга и братъ Андрей склонны приспособляться: страдаютъ тупо, бессмысленно. Въ Ирину очень мало жизненныхъ силъ: ея страданія—капризы ребенка, и жизнь ее игнорируетъ. Въ концѣ концовъ жизнь считается съ тѣмъ, что наиболѣе способно къ страданію. Это потому, что „Красота страданія“—единая на землѣ радость: она вездѣ, гдѣ дѣйствуютъ сильныя страсти, двигаютъ и преобразуютъ жизнь.

Сестры здоровы, красивы, хорошо образованы, материально обезпечены: у нихъ есть все для того, чтобы безъ

больших потерь развить въ себѣ силы для жизни. Неустройство жизни—все въ этихъ потеряхъ. Когда ⁹/10 общества во „власти тьмы“, это—неустройство. Когда отъ таланта остаются крохи, потому что онъ плохо питался, пока не былъ признанъ, это—неустройство. Когда страсть разрушаетъ организмы, потому что для нее пошлыми пережитками закрыты все выходы къ жизни, это—неустройство. Но когда здоровыя, свободныя и образованныя дѣвушки вянутъ, томясь неопредѣленными желаніями, то это очень вѣрно, тонко, грустно—но здѣсь нѣтъ элементовъ для драмы.

Маша—единственный живой человѣкъ среди трехъ сестеръ. Отвращеніе къ мужу и къ браку научило ее страдать; страданіе дало ей силы жить, не боясь жизни (хотя бы по формулѣ: „хуже не будетъ!“). Полюбивъ Вершинина, она съ нимъ сходитъ на глазахъ у мужа, на глазахъ у „барышень“ сестеръ. Она это дѣлаетъ просто, почти безъ борьбы, со всею непосредственностью жизни. Ея „преступное“ чувство такъ свѣтло, что никому не кажется преступнымъ. Здѣсь кроется загадка, чреватая выводами, но проходить незамѣченной для барышень, сестеръ. Онѣ стыдливо отворачиваются—въ буквальный смыслѣ.

Барышни мечтаютъ, какъ и подобаетъ барышнямъ: старшая Ольга съ тоской уходящей молодости, младшая Ирина съ рѣзвостью шаловливаго котенка. Мечтаютъ о „немъ“ и о гармоніи жизни, въ которой нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Имъ представляется, что въ Москвѣ (говорятъ, это—символь и означаетъ: „въ какой-то болѣе совершенной жизни“) сбудутся ихъ мечты. А вокругъ течетъ жизнь и, какъ вездѣ—кипитъ и сверкаетъ при каждой попыткѣ чобориться съ ней.

Сестеръ окружаетъ военное общество—самое интеллигентное въ провинціи, какъ кто-то утверждаетъ въ пьесѣ. Если и не самое интеллигентное, то самое живое—это безусловно. Потому что освѣжается постояннымъ притокомъ свѣжихъ силъ. Молодежь вродѣ Федотика, Родэ—премилая и прелестная молодежь. Есть обрусѣвшій нѣмецкій баронъ, который близко входитъ въ жизнь сестеръ, полюбивъ младшую Ирину. Есть привычный аксессуар—старый докторъ, дикій Соленый. Появляются также „славные люди“, какъ Вершининъ. Все это—„жизнь“. Варона, пожалуй, дѣйствительно нельзя полюбить русской дѣвушкѣ: ужъ очень онъ нѣмецки ограниченъ. Но на „Федотиковъ“ нельзя смотрѣть поверхностно только потому, что они не стремятся говорить умныя слова. Веселье не отъ глупости, а отъ жизнеспособности еще не цѣнять въ русской жизни. Можетъ быть потому, что плохо цѣняютъ самую жизнь.

По части „гармоніи“ у сестеръ была прямая и ужъ самая живая задача: воздѣйствовать на вялаго брата Андрея, если онъ, дѣйствительно, былъ способенъ къ ученой карьерѣ. Этимъ осуществлялась и манія сестеръ „Москва“, если ужъ только въ Москвѣ, реальной или символической—свѣтитъ солнце. А то пришла глупая провинціальная дѣвица и исковеркала жизнь умныхъ сестеръ. Никто такъ не способенъ проглядѣть жизнь, какъ русскій человѣкъ. Проглядѣли ее и сестры. Если это драма—драма.

Маша вышла замужъ очень рано за человѣка, который показался ей „самымъ умнымъ“. Она сдѣлала „глупость“. Когда Маша полюбила Вершинина, сестра Ольга обмолвилась очень характернымъ замѣчаніемъ: „ты, Маша, глупая. Ты—одна глупая изъ всѣхъ насъ“. Вторая любовь Маши была ея второю большою „глупостью“. Мелкихъ глупостей она дѣлаетъ массу: груба, нетерпелива и свиститъ по цѣлымъ днямъ. Сестры-барышни—умны и потому очень пристойны: къ устамъ Ольга едва ли когда прикасались уста „чужого мужчины“. Ирина собиралась выйти замужъ за барона „изъ любви къ труду“. Но Машѣ—чтобы быть послѣдовательной, недостаетъ третьей „глупости“, которую она по ея настроенію должна неминуемо сдѣлать: это—уйти отъ мужа къ Вершинину.

Ирина мечтаетъ о „радости труда“ и трудится, но радости труда не получаетъ. Работаетъ Ольга. Ищетъ труда и баронъ Тузенбахъ. Ольга страдаетъ головными болями отъ учительской практики. Ирина доходитъ до озлобленія отъ притуляющихъ занятій на телеграфѣ и въ земской управѣ. Баронъ Тузенбахъ собирался работать на кирпичномъ заводѣ съ единою цѣлью полного изнеможенія: „прійти и повалиться въ постель“. Нельзя имѣть большой робости передъ жизнью.

Нельзя себѣ представить и большей спутанности понятій о роли труда въ жизни, какую проявляютъ сестры и баронъ Тузенбахъ. Но для чеховскихъ героевъ она очень характерна. Искать непосредственной радости труда въ канцеляріяхъ, на телеграфѣхъ, въ тупыхъ школахъ—можно только съ отчаянія. Нужно имѣть очень много жизненныхъ силъ для того, чтобы по возможности „легко

выносить“ этотъ трудъ и не давать ему засорять своей жизнеспособности. Его нужно „преодолывать“, какъ и все въ жизни. Жизнь сама по себѣ—трудъ, трудъ непрестаннаго преодоленія. И трудъ жизни, дѣйствительно, радостенъ, какъ радостна самая жизнь. Только это—„радость страданія“. Въ жизни нѣтъ и не должно быть абсолютной радости, ничего абсолютнаго—потому что жизнь движется и отъ cadaго мгновенія убѣгаетъ впередъ и впередъ.

Въ обществѣ, гдѣ царствуетъ такой страхъ передъ жизнью и такое непониманіе ея задачъ, всегда проходитъ незамѣченнымъ истинный героизмъ. Въ пьесѣ нѣтъ лица, которое такъ или иначе не вызывало-бы своего презрѣнія къ мужу Маши—Кулыгину. Онъ надолбавивъ, ограниченъ, тупо жизнерадостенъ. Онъ не стремится „въ Москву“, потому что въ любви къ Машѣ нашелъ и цѣль и оправданіе жизни. Кулыгинъ страдаетъ не тоскою неопредѣленныхъ стремленій, а живымъ насущнымъ страданіемъ, когда, не сознавая права на протестъ мирится съ любовью Маши къ Вершинину. Онъ возвышается до героизма, когда утѣшаетъ ее, какъ ребенка, послѣ разлуки съ любовникомъ. Кулыгинъ, не задумываясь, отстранится съ пути Маши, когда будетъ нужно. И сдѣлаетъ это просто, непосредственно, не подавляя ее своею „жертвою“. Онъ органически широкъ—Кулыгинъ—также широкъ, какъ широка жизнь. Широта жизни и одна она—нужна въ борьбѣ съ неустройствами жизни; бракъ, какъ онъ есть—одно изъ ея самыхъ тяжелыхъ неустройствъ. Кулыгинъ могъ-бы отвѣтить на вопросъ сестеръ: „Вы живете и страдаете для того, чтобы жить и давать жить другимъ“. Жизнь-же повсюду...

III.

Драма ослѣпляетъ богатствомъ и тонкостью красокъ; на такой-же высотѣ стоитъ и ея исполненіе труппою Художественнаго театра. Здѣсь большой художникъ слова растворился въ работѣ равныхъ ему силъ. Получилось произведеніе искусства изъ тѣхъ, ради однихъ которыхъ прекрасна жизнь. Знали-ли „сестры“, что существуютъ такіа произведенія?

Драма построена не на движеніи вѣншихъ событій, а на тонкихъ движеніяхъ жизни: будничной мысли и будничнаго страданія. Драма сыграна въ очаровательныхъ иллюзіяхъ этихъ движеній. Весна перваго акта въ воздухѣ и въ звукахъ; въ душахъ сестеръ, въ свѣтлой улыбкѣ Вершинина, въ рѣзвомъ избыткѣ жизни Федотика, Родэ... Тина пошлости начинаетъ охватывать домъ сестеръ—и въ домъ во 2-мъ актѣ назойливо рвется улица: отдаленные звуки гармоніки и пьяный гулъ. Тревога пожара въ городѣ—и въ домѣ тревога напряженнаго настроенія, которое ищетъ разрѣшиться (3-й актъ). Осень, холодная, мучительная, и въ природѣ—и въ душахъ людей, изъ которыхъ каждому есть чѣмъ страдать—тупо, безвинно, какъ будто безсмысленно...

Душа впитываетъ эти настроенія; глаза ласкаютъ картинки, полныя необыкновенной жизни и поэзіи... Ирина, вся свѣтлая, весенняя—выдуваетъ шелуху изъ кормушки для птицъ: зернышки падаютъ и стучатъ скатываясь по крышѣ... Маша—прямо, неподвижно, съ лицомъ искаженнымъ отъ страданія—стоитъ передъ Вершининымъ; Ольга, у калитки, отвернувшись, сторожитъ минуты ихъ разлуки... Все это просто, не ново, какъ будто, даже мало значительно. Но этого нельзя забыть.

Все роли, въ смыслѣ согласованія съ общимъ впечатлѣніемъ пьесы, исполнены одинаково совершенно. Внутри этихъ рамокъ, работою, такъ сказать, индивидуальной—наиболѣе совершенно исполнена роль Маши г-жею Книпперъ. Затѣмъ идутъ: Наташа (Лилия), Вершининъ (Станиславскій), Ольга (Савицкая), Чебутыкинъ (Артемъ), Ирина (Андреева), Кулыгинъ (Вишневскій) и другіе. Очень хорошъ г. Громовъ, новый членъ труппы, въ роли Соленого.

Ларованіе г-жи Книпперъ очень развернулось въ роли Маши. Ей удался нервный смѣхъ подъ влияніемъ рѣчей Вершинина о любви. Какая сила въ безмолвной mimической радости въ присутствіи любимаго человѣка! Маша (Книпперъ) тихо подвигается, не имѣя силъ скрыть восторженной улыбки сознанный любви. Вершининъ чувствуетъ эту улыбку, видитъ ее въ полутьмѣ и все въ немъ просвѣтляется—самый голосъ принимаетъ иную интонацію. Этотъ моментъ 3-го акта, между прочимъ—наивысшій подъемъ и въ игрѣ г. Станиславскаго. Его Вершининъ—необыкновенно славный, какой-то свѣтлый человѣкъ. Онъ не болѣе опредѣленъ и у автора.

Фраза: „Ну, прощай!“, послѣдняя фраза Маши Вершинину—производитъ въ игрѣ г-жи Книпперъ впечатлѣніе исключительное. Жажда жизни и злоба на жизнь, сила почти демоническая—вложена въ эту маленькую фразу.

Сестры Э. и Г. Крестманъ, примадонны московской оперы.
(Къ предстоящему концерту въ Петербургѣ).

Сцена отчаянія, затемненіе разсудка — это: „Лукоморье... Что такое лукоморье? У лукоморья дубъ зеленый, золотая цѣпь на дубѣ томъ“... — очевѣ сильно, но уже не то.

Наташа — прежде угловатая, жеманная дѣвица, потомъ тупое, злбное и властное созданіе — прекрасна въ частностяхъ, но не связана въ цѣлое у г-жи Лилиной. Г-жа Лилина — одна изъ талантливейшихъ артистокъ труппы и игра ея здѣсь, какъ вездѣ, очень характерна. Артистскъ особенно дается характерность и Наташа освѣщена... но какимъ-то разсѣяннымъ свѣтомъ.

Роль Ольги — очень трудная роль. Она требуетъ большой тонкости игры и не даетъ ни одного выпуклаго момента. Ее приходится создавать на всемъ протяженіи пьесы путемъ безчисленнаго ряда маленькихъ штриховъ. Г-жа Савицкая съ искусствомъ исполнила этотъ трудъ.

Г. Артемъ, въ общемъ, безукоризненный Чебутыкинъ, нѣсколько медлительно и однообразно велъ пьяный монологъ 3 го акта. Подкупала своею, какою-то трогательною красотой г-жа Андреева въ роли Ирины — особенно въ 1-мъ актѣ — но образа опредѣленнаго и сильнаго не дала. Хороши были: г. Лужскій въ роли Андрея, г. Вишневскій въ роли Кулыгина, Тихомировъ (Федотикъ), Москвинъ (Родэ). Утверждаю, что нигдѣ на русской сценѣ такъ не носили военного костюма, какъ въ „Трехъ сестрахъ“ на сценѣ Художественнаго театра. Всѣ эти офицеры точно родились въ своихъ сюртукахъ.

Постановка „Трехъ сестеръ“ — событіе въ жизни нашего театра за послѣдніе годы.

П. Ярецъ.

Жанъ и Мари.

(Окончаніе *).

Но скоро настали плохіе дни. Прежде всего пропалъ Мишель. Такъ-таки просто пропалъ — ушелъ и не вернулся. И гдѣ онъ, и что съ нимъ — и до сихъ поръ неизвѣстно. Очень мнѣ было тяжело. Онъ былъ мой единственный кровный. Часто, часто мы съ мосье Тартаре раздумывали, куда-бы онъ могъ дѣваться и жалѣли его. И полиція его искала, да ничего не вышло. А тутъ еще скоро послѣ этого расхворался и мосье Тартаре. Простудился-ли онъ, или ста-

рость взяла свое, но только разъ утромъ онъ не всталъ и такъ и остался лежать въ гардеробной на диванѣ. Онъ не стоналъ, не жаловался, но когда я пришла къ нему, онъ взялъ мою руку, прижался къ ней щекой и тихо сказалъ: „плохо мнѣ, дѣвочка!“ Онъ такъ звалъ меня по старой памяти. Нехорошо ему было лежать въ гардеробной: артисты постоянно входили за своими костюмами, кричали, спорили, ссорились, а онъ лежалъ такъ тихо, что его и слышать не было и былъ кротокъ, какъ ребенокъ. Всякое доброе слово или вниманіе онъ принималъ съ величайшей благодарностью, и одна у него была забота — не обезпокоить кого-нибудь своей болѣзнью. Тутъ сказала любовь труппы къ доброму старику. Не было человека, который не заглянулъ-бы къ нему и не сказалъ: „что, старина, лучше?“ И мосье Тартаре молча кивалъ головой въ знакъ отвѣта; но по его блѣдному, страдальческому лицу было видно, что ему вовсе не лучше. Всѣ ему что-нибудь приносили, а m-elle Гриту подарила ему даже прекрасный букетъ свѣжихъ ландышей, а когда хозяинъ зайкнулся было о томъ, чтобы отправить его въ больницу, то вся труппа такъ возмущенно встрепенулась, что онъ только махнулъ рукой. И мосье Тартаре умеръ въ своей гардеробной тихо и незамѣтно, вечеромъ, во время спектакля, когда вся труппа была занята. Боже мой, какъ я горевала! Съ его смертью для меня исчезла всякая связь съ прошлымъ, съ тѣмъ, что дорого для каждого человека, каково-бы оно ни было.

Со смертью мосье Тартаре, мое существованіе приняло совсѣмъ иной оборотъ: мы съ Жаномъ стали переходить мало-по-малу съ лучшаго на худшее, съ худшаго на еще худшее, пока не дошли до крайности. Началось съ того, что хозяинъ отказалъ намъ и пришлось искать иного кафе-шантана, или цирка. А это было трудно. Въ этомъ мірѣ появились новыя вѣянія и другія требованія. Прежде, бывало, хозяинъ дорожилъ труппой, и чѣмъ долѣе у него служили, тѣмъ болѣе было цѣны артисту. Теперь-же, напротивъ, требовалось все новое и новое; составъ

*) См. № 7.

труппы постоянно мѣняется и даже недѣля впередъ не была обезпечена. Стали требовать блестящихъ костюмовъ... Прежде, бывало, самая лучшая этуаль имѣла одинъ только парадный костюмъ, въ которомъ вечеромъ и шла передъ публикой. А теперь пѣвицы каждый день появлялись въ новыхъ платьяхъ, да еще какихъ? совсѣмъ открытыхъ спереди и сзади и съ разрѣзами по бокамъ, такъ что вся женщина, со всѣмъ ея тѣломъ, была видна, какъ на ладони. Трудно было честной женщинѣ примириться съ такими нововведеніями. Неправду говорятъ, что въ нашей жизни не бываетъ честныхъ! Это гадкая клевета, которую не стѣсняются говорить громко всѣ господа. А это неправда. Я сама была и осталась честной, несмотря на свою жалкую, голодную жизнь. И не потому, чтобы я такъ гонялась за добродѣтелью, а просто потому, что любила Жана и ни о чемъ другомъ не думала. И я была не одна въ труппѣ такая, которую уважали. Но теперь со всѣми этими роскошными новостями, „лисицы“ перестали нравиться публикѣ и намъ все труднѣе и труднѣе приходилось доставать ангажементъ. Другого же мы уже ничего не могли придумать: Жанъ съ каждымъ днемъ терялъ свою гибкость, скакать и кататься по полу ему становилось все труднѣе, а у меня стала болѣть грудь и появился кашель. Я страшно похудѣла; это очень не нравилось публикѣ. „Костишка“, „скелетъ“ кричали мнѣ, когда я изо всѣхъ силъ давала пощечины Жану и кричала свое „voilà“. Теперь и эти слова ужъ не выручали меня—вездѣ появились настоящія французенки и настоящія барыни. Появились собаки, свиньи, медвѣди, волки, даже львы—и всѣ работали даже лучше человѣка. Да что ужъ? Даже моржи пошли въ ходъ, гдѣ ужъ тутъ было найти мѣсто человѣку? Лисицы появились настоящія и намъ съ Жаномъ совсѣмъ принель конецъ. Боже мой! Гдѣ мы только съ нимъ за послѣдніе годы не перебивали? Въ какихъ захолустяхъ не пробовали мы тѣшить публику? Нѣтъ, нигдѣ ужъ мы не нравились. Вездѣ, въ каждой труппѣ, въ каждомъ затертомъ уголкѣ уже кто нибудь побывалъ раньше насъ, уже тамъ видали лучшее и намъ не дивились. Когда я представляю себѣ эту нашу собачью жизнь, съ вѣчнымъ холодомъ, голодомъ и перемѣной мѣстъ, мнѣ дѣлается страшно, я закрываю глаза и начинаю дрожать. О только бы Жану пришлось поправиться и опять работать! Бродячая жизнь отучила насъ отъ порядка, отъ простой работы: сегодня здѣсь, а завтра нѣтъ насъ, о чемъ хлопотать? И ничего ровнехонько кромѣ „лисицъ“ мы дѣлать не умѣемъ и не можемъ.

Теперь пока намъ хорошо—жена доктора, добрая, чудесная женщина, пожалѣла меня, когда я ни за что не хотѣла уйти и просидѣла всю ночь на крыльцѣ больницы, куда привезли Жана. Она помѣстила меня въ маленькой каморкѣ подъ лѣстницей и мнѣ позволено весь день сидѣть около Жана, иначе онъ не покоенъ и все зоветъ меня. Только на ночь ухажу я въ свой чуланъ. Хорошо мнѣ! Знаю я, что никто меня не прогонитъ, могу выпастись, не надо завтра представлять „лисицъ“ и давать плюхи Жану. Одно меня мучитъ—мысль о будущемъ и не за себя, а за Жана... И я грѣшная, подлая женщина, сижу около него, гляжу на его закрытые глаза, слушаю тяжелое дыханіе и объ одномъ только и думаю, все объ одномъ:

„Господи! Кабы онъ умеръ! Господи, не дай ему выздоровѣть, что будетъ онъ тогда дѣлать съ больной рукой и при томъ же отяжелѣвшей, болѣзненный? Я могу хоть что нибудь работать: хоть соръ вынести, хоть кое-какъ бѣлье выстирать. А онъ съ его-то гордостью? Вѣдь онъ говоритъ всегда: „я артистъ!“

Артистъ! Ахъ ты, Господи! Пусть ужъ лучше онъ умретъ, чѣмъ опять ему тащиться, да тащиться съ мѣста на мѣсто, выпрашивая какъ милости позволенія представить „лисицъ“ въ какомъ нибудь кабацѣ. Теперь же опять сапоги у него распозлились... Какъ встанетъ, сейчасъ новые купить надо, а у меня и рубли нѣтъ. Гдѣ взять? Не протягивать же руку? Вѣдь мы не нищіе какіе нибудь... Знали хорошие дни... Намъ хлопали, вызывали. Особенно онъ—Жанъ! Вѣдь онъ былъ въ славѣ! Онъ былъ человѣкомъ-змѣей въ зеленомъ, блестящемъ чешуйчатомъ трико, ловкій, красивый! На него сама хозяйка глаза пилила!... И такому-то человѣку выйти на улицу безъ сапогъ, безъ копѣйки денегъ, безъ ангажементъ! Нѣтъ, пусть ужъ лучше умереть! Тамъ ему будетъ спокойно въ могилкѣ: онъ такъ усталъ, бѣдный, шлаться по бѣлу свѣту. Богъ милостивъ! Тамъ Жану будетъ лучше. И какіе такіе грѣхи у него? Какъ онъ со мной благородно жилъ, не билъ, не гналъ! Хорошій товарищъ былъ! Мишеля любилъ, мосье Гартаре уважалъ... такому человѣку хорошо умереть, его тамъ хорошее ждетъ, а здѣсь?

Пока я такъ размышляла, Жанъ вдругъ открылъ глаза и посмотрѣлъ на меня. Я сейчасъ же сдѣлала веселое лицо, чтобы онъ не думалъ, что я горюю.

— Мари! слабымъ голосомъ позвалъ онъ меня. Я подвинулась къ нему ближе:

— Что, милый?

Жанъ долго молчалъ.

— Что-же, милый?

— Мари, умру я!

— Полно, голубчикъ, что ты говоришь? Засни лучше, ужъ ночь.

— Скоро умру, Мари! Что будетъ съ тобой безъ меня? Вѣдная моя, мало ты еще потерпѣлась, чахотку нажила! Теперь... останешься одна... на всемъ свѣтѣ... Что будетъ съ тобой несчастной?

Слезы полились по его лицу. Изъ всѣхъ силъ старалась я бодриться; я видѣла, какъ мучилъ его забота о будущемъ и весело заговорила:

— Вотъ еще что выдумалъ! Ты не умрешь, голубчикъ мой Жанъ! А какъ поправишься, пойдѣмъ мы съ тобой къ теткѣ въ деревню... У нея тамъ свой домъ, садъ, огородъ.

Жанъ съ изумленіемъ глядѣлъ на меня, а я и сама не знала, откуда у меня на губахъ взялась тетка. У меня никогда такой не было.

— Какая тетка? недовѣрчиво проговорилъ наконецъ Жанъ.

— А какже! Матери моей сестра! Развѣ я тебѣ о ней не говорила? Она давно въ деревнѣ живетъ, богатая. А вотъ теперь мнѣ письмо прислала... Овдовѣла... Дѣтей нѣтъ... Насъ къ себѣ жить зоветъ. Хочу, писать, все вамъ, значить, оставить. Довольно, писать, вамъ по бѣлу свѣту шлаться. У меня писать, всего довольно, всѣмъ хватить!“ Жанъ тяжело дышалъ отъ волненія.

— Гдѣ же письмо? покажи! задыхаясь сказалъ онъ. Я на минуту оторопѣла; впрочемъ наплась:

— А у докторши! твердо отвѣтила я.—Оно къ ней и пришло—завтра принесу тебѣ.

— Да какже она узнала про тебя, тетка-то? но унимался Жанъ.

— А такъ, что докторша ей про насъ сама отписала, а докторшѣ про тетку я сама рассказала! врала я такъ гладко, что сама дивилась.

— Господи, Господи! приподнялся вдругъ мужъ на своей постели.—За что посылаешь ты намъ, псамъ бродячимъ, Бога забывшимъ, въ церкви никогда не бывающимъ, такую великую милость? Деревня... своя... Господи, Господи... онъ залился слезами и опрокинулся на подушки. Я съ трудомъ удерживала слезы.

— Не волнуйся, милый, тебѣ вредно. А то говорить не буду!

Но Жанъ не слышалъ.

— Ну, Мари! отдохнувъ немного, сказалъ онъ.— Принеси ты мнѣ это письмо. Если все такъ, какъ ты говоришь... я выздоровлю—слышишь ты—выздоравливаю.

Его щеки пылали, глаза блестѣли и онъ заторопился, какъ въ забытьи:

— Боже мой! Солнце, зелень, вода... курочки кудахтаютъ... коровка мычить.. лошади ржутъ... ребя-

Джіакоза,

авторъ пьесы «Опавшія Листья», поставленной на сценѣ Моск. Малаго театра.

тенки бѣгаютъ, смѣются... всѣ веселые, добрые... ничего не болитъ... спимъ вволю... ѣдимъ вволю... благовѣсть... церковь... попъ высокій, сѣдой... выносить крестъ... благословляетъ... и насъ съ тобой Мари... поютъ пѣвчіе... пахнутъ ладономъ... и я, и ты, Мари, рядомъ молимся на колѣнкахъ... потомъ домой... Тетушка старенькая, добренькая, сѣденькая... въ чепчикѣ... встрѣчаетъ... чайкомъ поить... тепло... хорошо... А Расскажи-ка, говоритъ старушка, племяша ты мой милый, какъ ты артистомъ былъ, какъ людей дивилъ... И говорю ей я, рассказываю: хлопали мнѣ, повторять по три раза заставляли... потому талантъ былъ... и слава была... а теперь вотъ одыхъ... усталъ я, ахъ какъ усталъ...

Жанъ заметался. Я испугалась.

— Милый, засни теперь. Ужъ поздно. Я тоже спать пойду!

Жанъ встрепенулъся.

— Письмо, принеси письмо!

— Принесу, милый!

— Завтра пораньше, Мари! — и захвативъ мое платье рукой, Жанъ притянулъ меня къ себѣ. Я наклонилась. Блѣдный, слабый—онъ улыбался и смотрѣлъ прямо въ глаза.

— Мари, Мари!—шепталъ онъ.—Этакое счастье! Ты рада? Скажи, ты рада въ деревню? Бѣдная моя!

Отдохнешь, поправишься, пополяѣешь, перестанешь кашлять!—онъ передохнулъ.—Знаешь что, Мари? Тамъ мы обвиняемся!

Я невольно всплеснула руками:

— Да зачѣмъ-же это, Жанъ, мой дорогой! Жили себѣ жили и вдругъ...

— Жили не какъ люди!—заторопился Жанъ и лицо его стало серьезно.—Нельзя, тамъ всѣ насъ знать будутъ; теткинъ домъ—неловко. Пусть попъ обвиняетъ и ей будетъ не зазорно жить съ нами. А такъ нехорошо, неловко! Поцѣлуй меня, Мари!

Я наклонилась и поцѣловала его жалкое, высохшее лицо. Меня душили слезы. Мой бѣдный, бѣдный Жанъ!

— Засни теперь!—просила я.—Видишь, какъ все хорошо устроилось!

— Письмо, письмо принеси!—слабо прокричалъ мнѣ Жанъ въ догонку.

Всю ночь писала я письмо. Писать я умѣла хорошо. Еще мосье Тартаре занимался со мною, да и въ школѣ я побывала. Но трудно мнѣ было врать. До сихъ поръ я никогда Жана не обманывала. Уже свѣтало, когда я кончила и заснула. Въ десять часовъ я пошла къ мужу. Сидѣлка остановила меня въ корридорѣ:

— Мужу вашему плохо!—сказала она.—Всю ночь онъ метался и бредилъ. Докторъ уже былъ. А вы молитесь!—прибавила она внушительно.

Когда я вошла къ Жану, я ужаснулась. Онъ былъ совсѣмъ слабъ. Восковое лицо, заостренный носъ и впалые глаза ясно указывали на ухудшеніе. Я тихонько сѣла, боясь дышать. Но Жанъ почувствовалъ мое присутствіе; онъ открылъ глаза и рука его зашевелилась.

— Письмо!—съ трудомъ выговорилъ онъ.

Съ бьющимся сердцемъ я вынула свое сочиненіе изъ кармана. Онъ хотѣлъ взять его, но слабая рука не слушалась.

— Прочти!—вымолвилъ онъ и его блестящіе глаза безпокойно обратились на меня.

„Милая моя племянница!“, замирающимъ отъ волненія голосомъ, читала я. „Узнала я отъ супруга господина доктора, что ты съ мужемъ находитесь при больницѣ. Довольно вамъ шлаться по бѣлу свѣту. Приѣзжайте оба ко мнѣ. Я вдова, дѣтей у меня нѣтъ и я богатая. Есть у меня достаточный домъ, и садъ, и рѣчка, и колодезь. А неподалеку лѣсъ; а во дворѣ куры, корова и лошади. А недалеко церковь и батюшка при ней—высокій, сѣдой-такой! А благовѣсть въ домѣ слышно. Будемъ вмѣстѣ жить и въ церковь ходить. А вокругъ такая услада—и зелень, и цвѣты, и солнце. Все вамъ оставляю, только приѣзжайте скорѣе. Благосклонная тетка Анна Вахрушина“.

Сначала Жанъ шепталъ: „такъ, такъ! все какъ я думалъ“. Но по мѣрѣ того, какъ я читала, силы все болѣе покидали его, и когда я кончила, онъ протянулъ руку и взявъ письмо, хотѣлъ что-то сказать со счастливой улыбкой на лицѣ, но голова его внезапно свѣсилась на грудь, рука безжизненно упала и самъ онъ какъ-то вытянулся. „Жанъ, милый, милый Жанъ!“ закричала я и бросилась за сидѣлкой. Когда мы вернулись, на лицѣ Жана было написано безмятежное спокойствіе и рука крѣпко сжимала письмо моей несуществующей тетки.

Голубчикъ мой, простилъ-ли ты меня въ твоемъ загробномъ мірѣ?

С. Шевиль.

Путевыя замѣтки.

I.

Есть-ли въ Калугѣ музыкально-драматическое общество? — вотъ первый вопросъ, на который я неожиданно набрелъ, задумавъ передать свои наблюденія, почерпнутыя изъ закулиснаго моря театральнаго провинція. Когда услужающій одного изъ калужскихъ отелей принесъ мнѣ мѣстный органъ, «шестой великой державы», я, томясь отъ скуки, съ интересомъ новизны сталъ читать цѣлые столбцы о «розыскѣ документовъ», о «пропавшихъ лошадахъ» и даже о «розыскѣ имѣній и капиталовъ».

Перевертывая «Вѣдомости» и нахожу уже не объявление, а цѣлую статью о пропавшемъ обществѣ. Авторъ, именующій себя меланхолически Ч. Гарольдомъ, «растекся мыслью» на полтора столбцахъ, разыскивая неизвѣстно куда исчезнувшее общество. И, Боже, какихъ трудовъ и усилий стоило калужскому Ч. Гарольду отвѣтить, наконецъ, на вопросъ: есть-ли музыкально-драматическое общество въ Калугѣ или нѣтъ?

Послѣ долгихъ поисковъ ему ничего иного не оставалось, какъ обратиться за справками... къ извозчикамъ. Діалогъ Чайльдъ Гарольда съ Ванькой достоинъ пера бытописателя. Сначала возница не понималъ, о какомъ такомъ собраніи, гдѣ занимаются музыкой и пѣніемъ, спрашиваетъ баринъ, и началъ толковать насчетъ «мастеровщины», которая гармошкой завладевается.

Но баринъ вразумилъ его и Ванюха отвѣчалъ:

— А господа почитай въ кажинномъ домѣ отъ нечего дѣлать эвтимъ забавляются, потому что отъ скуки оно — первое дѣло, да только не ладно оно выходитъ, не по нашему. Заведутъ канитель .. ску-у-у-чую...

Вотъ она истина-то, глаголющая устами калужскаго автомедоната.

Послѣ длинныхъ размышленій Гарольдъ рассказываетъ, что лѣтъ двадцать назадъ по инициативѣ бывшаго калужскаго вице-губернатора князя Н. П. Трубецкого (недавно умершаго въ Москвѣ почетнаго опекуна и директора Филармоническаго Общества) образовалось въ Калугѣ общество любителей музыкальнаго и драматическаго искусствъ. Оркестръ, хоръ, классы музыки, дирижеръ г. Кленовскій — все пошло какъ будто-бы на ладъ. Но уѣхалъ князь Трубецкой, уѣхалъ г. Кленовскій, — осталась, выражаясь à la извозчикъ «канитель ску-у-у чая» и общество, по выраженію автора, «скромно замолкло», да такъ прочно замолкло, что пришлось его разыскивать днемъ съ огнемъ.

Чайльдъ Гарольдъ изъ Калуги думаетъ, что оно «проснется же наконецъ». И затѣяетъ свою «ску-у-у-чую канитель». Нѣтъ, пусть лучше оно покочится сномъ непробуднымъ, если можетъ держаться только двумя-тремя активно работающими лицами.

Общая участь нашихъ желающихъ серьезно трудиться любительскихъ обществъ: они погибаютъ, даже и не успѣвши разцвѣсть, или когда выдохнется изъ нихъ душа, т. е., уйдутъ два-три дѣятельныхъ члена, или когда начнется любительское смѣшеніе языковъ, сопровождаемое закулисными кознями, созданіемъ доморожденныхъ кумировъ и т. д.

На радостяхъ, что любительское общество нашлось таки, хотя и безпробудно спящее, пошелъ я родить по городу и скоро увидалъ на одномъ изъ безконечныхъ заборовъ объявленіе, зазывавшее въ такіе-то часы за умѣренную плату обозрѣвать мѣстный музей. Я вспомнилъ, что съ Калугой связаны имена Пушкина и Гоголя, и немедленно же, наученный Чайльдъ Гарольдомъ, обратился за справками о музеѣ къ проѣзжавшему извозчику.

— Свежу за гривенничекъ, — кратко пояснилъ калужскій чичероне, и черезъ пять минутъ мы были у калитки; прорѣзанной среди длиннѣйшаго забора.

Музей помѣщается въ двухъ комнаткахъ стариннаго дома, въ которомъ, по преданію, жила Марина Мнишекъ, — преданіе, по словамъ моего чичероне-сторожа, теперь опровергнутое. Чисто, уютно, собрано все, очевидно, съ любовью и усердіемъ. Церковная утварь, вещи изъ раскопокъ, старинная посуда, шитые бисеромъ и т. п. представлено въ рѣдкихъ и сохранныхъ экземплярахъ.

Творецъ «Бориса Годунова» оставилъ по себѣ память нѣсколькими неизданными письмами, которыя появляются въ извѣстіяхъ мѣстной архивной комиссіи. Ея право на первоначальное я не хочу нарушать даже и выдержками. Автографъ Пушкина — записка къ мѣстному книгопродавцу Антипину, съ которымъ поэтъ познакомился на полотняномъ заводѣ, — не сохранился и съ него имѣется только списокъ, вырѣзанный на мѣдной доскѣ.

Въ Калугѣ живетъ отпрыскъ Антипина, его внукъ, владеющій писчебумажнаго магазина. Я зашелъ къ нему спросить, не сохранилось-ли въ его семьѣ преданій о Пушкинѣ и Гоголѣ и чего-нибудь вещественнаго? Ничего. Автографъ Пушкина утерянъ, шляпа «Николая Васильевича» — какъ г. Ан-

типинъ называетъ Гоголя, — пропала при перестройкѣ дома и т. д. Словомъ, — обычная исторія ..

Въ музеѣ я просмотрѣлъ книгу съ фамиліями всѣхъ побывавшихъ въ немъ за два или за три года его существованія. Ни одной фамиліи актера... Въ такомъ бѣдномъ умственномъ жизни захолустьѣ, какъ Калуга, музей, во всякомъ случаѣ, такое мѣсто, куда всякому дѣятелю интеллигентной профессіи надо зайти хоть разъ. Но жрецы сценическаго искусства держатся иного взгляда.

— Я признаю право гражданства на сценѣ и за опереткой, говорилъ мнѣ вечеромъ въ театрѣ А. А. Вивьенъ, — но жрецы... И маэстро мимикой и жестами не оставилъ сомнѣнія въ своемъ взглядѣ на жрецовъ.

Да, «жрецы сценическаго искусства»... Сложные это люди и сложенъ вопросъ о томъ, какъ доходятъ они до жизни такой и какое самовоспитаніе и перевоспитаніе для нихъ нужно. Вопросъ — рѣшенія котораго дождутся развѣ лишь ихъ отдаленные преемники. Опыты, начатыя теперь, — театральное общество, съѣзды, проектъ союза, — подготовительная лишь работа, и наивно думать, что она дастъ сразу «новыхъ людей» сцены. Это также ошибочно, какъ не видѣть въ современномъ замоскворѣцкомъ «джентльменѣ» кость отъ костей Кита Китыча... И тѣмъ не менѣе эти «опыты», эта «подготовительная работа», настолько необходимы и должны вестись не на почвѣ отвлеченныхъ проектовъ, а въ тѣсной связи съ самой глубиной театралныхъ нѣдръ, — самая эти нѣдра должны выдѣлится изъ себя борцовъ за лучшее будущее, за самостоятельность.

Въ Калугѣ сразу бросалась въ глаза неурядица лишь только я вошелъ за кулисы. Антрепренеръ — въ больницѣ, маэстро — распорядительствуетъ по хозяйственной части, въ труппѣ — пасмурныя лица и обрывки фразъ о неполученномъ жалованьи, хотя прошло уже и пять «льготныхъ дней»...

Въ чемъ же дѣло? Я не стану передавать вамъ съ подробностями, — онѣ будутъ неинтересны и отойдутъ въ область воспоминаній. Въ «Вѣрсаль» или «Ливорно» къ тому времени, когда появятся въ печати эти строки. Но общій выводъ изъ этого калужскаго инцидента — интереса и поучительности не теряетъ.

Скажу кстати, что корреспонденція во 2-мъ № «Т. и Иск.» освѣщаетъ калужское дѣло односторонне. Оно не отмѣчаетъ самаго главнаго: у дѣла не было хозяина. У насъ, среди типичныхъ руководителей театралныхъ предпріятій есть, между прочимъ, два представителя крайнихъ направленій. Одинъ — всецѣло поглощенъ хозяйственной стороной и доводитъ свое усердіе до кулачества, забывая совершенно о художественной части дѣла. Другой — не будучи ни хозяиномъ, ни художникомъ, мнитъ, что манна небесная сочтетъ за особенную для себя честь питать его и собранныхъ имъ жрецовъ искусства.

Такое безхозяйственное веденіе дѣла — самый острый и крѣпко въѣвшійся гвоздь калужской антрепризы. Это мнѣніе и многихъ артистовъ труппы, и публики, и мѣстнаго агента драматическихъ писателей, Я. С. Цѣхаскаго.

Тутъ рассказывали о цѣломъ рядѣ хозяйственныхъ несообразностей и упущеній, которыя, конечно, отразились на дѣлѣ. Если «безъ хозяина домъ — сирота», — тѣмъ больше такой живой механизмъ, какъ театръ. Правда, что Калуга не печется о театрѣ, какъ о родномъ дѣтищѣ, а скорѣе не долюбываетъ его какъ пасынка. Антрепренеръ не платитъ аренды, но на немъ лежатъ разные расходы по содержанію театра, побочные же доходы, — буфетъ и вѣшалка, — беретъ себѣ горло, что, въ сущности, та же аренда.

Но Калуга, въ смыслѣ публики, считается городомъ театралнымъ и «свое», то есть, опредѣленный бюджетъ, всегда даетъ театру, лишь-бы дѣло велось умѣло. Она можетъ выдержать и оперетку, — дорогую игрушку, гдѣ примадонна — 700 рублей, теноръ — 500 рублей и т. д. по нисходящей стѣпени, но въ общемъ хотя тысячъ пять въ мѣсяцъ. И труппа собралась хорошая въ лицѣ ея основъ: примадонны (г-жа Стефани-Варгина), тенора (г. Дунаевъ), капелмейстера (г. Вивьенъ). Правда, первый комикъ, по особой теоріи комизма, на сценѣ — совсѣмъ какъ дома, въ халатѣ: бормочетъ что-то подъ-носъ, не слушаетъ репликъ, «паузить» немилосердно, — но дѣло «хозяина» подтянутъ его... Правда, каскадная — немножко грубовата, но дѣло режиссера смягчить ея тонъ!.. Хоръ я засталъ въ довольно жалкомъ составѣ, но, говорятъ, часть его разбредлась.

Въ чемъ заключается безхозяйственность въ дѣлѣ — понятно всякому. Нельзя красить театръ чуть-ли не въ октябрѣ, нельзя упустить публику 20-го числа (въ чиновничій праздникъ) поставить неинтересную пьесу, нельзя то, нельзя это, — эти «нельзя» для хозяина на каждомъ шагѣ. И онъ во все вникаетъ, все предвидитъ, блюдетъ и свои интересы и стоящей за его спиной труппы...

А цѣны? Это-ли не первая ошибка хозяйственной политики антрепренера — назначать цѣны, отъ которыхъ у обывателей духъ захватываетъ.

Хозяйственная часть театралнаго дѣла — очень хитрый и капризный механизмъ. Орудовать имъ такъ, чтобы онъ дѣйствовалъ правильно, можетъ не всякій, — для этого нужны и призваніе, и способности, и нелегкая работа. А. А.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТИФЛИСЬ. Еще итальянец! На этотъ разъ честь услаживать слухъ тифлисской публики выпала на долю Г. Гектора Марки, который, предвзительно заболѣвъ (безъ этого ни одинъ итальянскій теноръ у насъ не обходится), выступилъ въ «Эрнани», затѣмъ пѣлъ Каніо въ «Паяцахъ» и Радамеса въ «Лидѣ». Артистъ г. Марки очень горячій. Онъ на людей даже бросается и силится обиліемъ слезъ, жестикуляціи, метаніемъ по сценѣ и прочими прелестями замаскировать отсутствіе искренняго чувства и недостатки голоса. Когда онъ поетъ какую-нибудь арію *à parte*, онъ подходитъ такъ близко къ рампѣ и такъ перегибается впередъ, что, кажется, вотъ-вотъ потеряетъ равновѣсіе и полетитъ въ оркестръ.

Возобновленъ «Донъ-Жуанъ» для г. Каміонскаго, который равно уже добивался отъ дирекціи этой партіи. Сказать по правдѣ, гораздо лучше было бы, еслибъ эту оперу не возобновляли. Роль Донъ-Жуана не прибавила ничего къ артистической репутаціи г. Каміонскаго, что же касается остальныхъ исполнителей, то они, во главѣ съ дирижеромъ г. Карбини, приложили всѣ старанія, чтобы выказать эту оперу въ наименѣе выгодномъ свѣтѣ. Ансамбль отсутствовалъ совершенно.

Г. завѣдующій художественной частью поставилъ въ свой бенефисъ (своя рука-владыка) новую оперу П. Кюи «Кавказскій плѣнникъ». Г. Питолевъ ставитъ въ свои бенефисы новыя оперы, требующія извѣстныхъ затратъ, иногда даже очень значительныхъ, причемъ то невѣдомымъ причинамъ избираетъ такія оперы, которыя снимаются съ репертуара послѣ нѣсколькихъ представленій, съ тѣмъ, чтобы болѣе не возобновляться. Такой участи подверглась въ свое время опера Гольдмарка «Царица Савская», затѣмъ въ прошломъ году провалилась «Борисъ Годуновъ», который если и былъ вновь поставленъ Великимъ постомъ, то исключительно ради г. Шаляпина. То же ждетъ и «Кавказскаго плѣнника». Художественная часть — это больное мѣсто нашего казеннаго театра. Средства есть и средства хорошія. Для постановки почти каждой оперы ищутся новыя декорации, шьются роскошные костюмы, изготовляется бутафорія, а толку мало. До сихъ поръ ни одна опера не была обставлена мало-мальски удовлетворительно въ художественномъ отношеніи. Декорации, костюмы — сами по себѣ, актеры — сами по себѣ и г. завѣдующій художественной частью тоже — самъ по себѣ. Отсутствіе опытнаго, знающаго режиссера сказывается во всемъ. Это отсутствіе сказывалось и въ постановкѣ «Кавказскаго плѣнника». Опера эта — скучнѣйшее произведеніе посредственнаго композитора — сама по себѣ не представляетъ ничего интереснаго, и нужно приложить много труда и стараній, чтобы хоть съ внѣшней стороны «Кавказскій плѣнникъ» имѣлъ успѣхъ. Сборъ былъ полный; за то на слѣдующій день, при повтореніи оперы, въ театрѣ было полтора человѣка. И въ музыкальномъ отношеніи опера успѣха не имѣла, да оно и понятно. «Кавказскій плѣнникъ» написанъ на сюжетъ намъ близкій, и тифлисцы вправдѣ были ожидать отъ г. Кюи разработки богатыхъ восточныхъ мотивовъ, и вдругъ взамѣнъ оригинальныхъ мелодій въ теченіе трехъ актовъ публика принуждена слушать давно знакомые и всѣмъ прѣвѣшшіеся итальянскіе аріи, дуэты, секстеты съ шаблонными финалами, и полуопереточные хоры. Шла опера гладко, а между тѣмъ было чрезвычайно скучно и слушать и смотрѣть нашихъ артистовъ. Балетъ же въ послѣднемъ дѣйствіи исполняется и совсѣмъ плохо.

Мѣстная пресса отнеслась къ оперѣ довольно благосклонно. Впрочемъ, наши рецензенты ко всему относятся весьма благосклонно, а одинъ изъ нихъ даже личными качествами артистовъ восторгается. «Онъ», пишетъ этотъ рецензентъ про одного пѣвца, «очень скромный человѣкъ; онъ даже изъ скромности отъ бенефиса отказался и взялъ бенефисъ только по принужденію (цитирую на память)». Невольно вспоминается дѣдушка Крыловъ:

Они хотъ и дерутъ,

Зато ужъ въ ротъ хмельного не берутъ!.

Никакъ не могу умолчать объ одномъ весьма курьезномъ спектаклѣ, состоявшемся въ нашемъ театрѣ. Иногда дирекція, очевидно, руководствуясь девизомъ «все — или ничего», устраиваетъ спектакли, которые являются образцовыми, только въ отрицательномъ смыслѣ. Давали оперу «Карменъ». Это было нѣчто удивительное! Г. Марки, изображавшій Донъ-Хозе, къ сожалѣнію, не былъ осведомленъ относительно того, что ему нужно дѣлать на сценѣ, и публика совершенно ясно слышала, какъ г-жа Платонова во время спектакля устанавливала *mise en scene*, громко убѣждая г. Марки взять ее за руку, стать подлѣ нея, поднять свою саблю и т. д. Спрашивается, о чемъ думали на репетиціи?

Теперь нѣсколько словъ о нашемъ народномъ театрѣ. За послѣднее время это симпатичное въ основѣ учрежденіе обратилось, къ сожалѣнію, въ какой-то любительскій клубъ. Всѣхъ любителей въ народной аудиторіи — театрѣ свыше ста человѣкъ: тутъ и любители драматическаго искусства, и любители

сольнаго и хорового пѣнія, и музыканты — любители — всякіе есть. И всѣ они считаютъ своимъ долгомъ не только сами бывать на каждомъ спектаклѣ, но тащить съ собою своихъ родственниковъ и добрыхъ знакомыхъ. Небольшая аудиторія, еле вмѣщающая 300 человѣкъ, переполняется интеллигентной публикой, усердно хлопающей своимъ, а народу представляется съ улицы любоваться аншлагомъ на дверяхъ «билеты всѣ проданы».

Пенсия.

ХАРЬКОВЪ. Чѣмъ ближе къ масляницѣ, тѣмъ болѣе несутъ у насъ пьесы, какъ блины. На недѣлѣ преподносятъ по 3—4 новыхъ пьесы. Результатъ — плохая срепетовка и безцѣльное метаніе по сценѣ.

Вотъ 4 послѣднихъ бенефиса и все — новыя пьесы. Въ бенефисъ г-жи Мартыновой шли «Вечеръ въ Соренто» и «Перекати-поле» г. Гнѣдича, пьеса сильно пострадала отъ несоответственнаго распредѣленія ролей. Шумный пріемъ, сборъ и подношенія.

Бенефисъ г-жи Днѣпровой («Живыя тѣни») прошелъ съ такой же помпой. Сама пьеса шла вяло, чувствовался недостатокъ срепетовки и... «раздвоеніе личности» исполнителей: въ одно и то-же время нужно было слушать и суфлера, и партнера. Да и пьеса... но ничего, ничего... молчаніе... Очень бойко прошли «Школьные товарищи» въ бенефисѣ (принципальный) главнаго режиссера труппы, г. Людвигова. Участіе лучшихъ силъ труппы доставило большое удовольствіе собравшейся публикѣ, почтившей бенефицианта прекраснымъ пріемомъ и цѣнными подношеніями. Г. Людвиговъ покидаетъ Харьковъ. Объ этомъ можно только пожалѣть: это прекрасный артистъ на характерныя роли и весьма дѣльный режиссеръ. Г. Добровольскій выбралъ для своего протрального бенефиса старинную пьесу Дюма «Le fils naturel» — «Дитя любви». Несмотря на участіе въ пьесѣ первыхъ сюжетовъ, пьеса не имѣла должнаго успѣха: она пришлась не по плечу нашей труппѣ. Кромѣ бенефицианта, съ французскимъ «жаромъ», произносившимъ исполненныя необычайнаго благородства тирады, отчасти г. Петровскаго и г-жи Бѣльской, всѣ остальные мало походили на «французовъ», говорили вяло, путались, «сочиняли» и плохо знали роли. По обыкновенію, были билетники, цвѣточные лиры, и подношенія, и адресъ, не смотря на настойчивыя требованія публики, не прочитанный, однако, со сцены.

Г-жа Юрѣва на дняхъ нарушила контрактъ съ г-жей Дюковой, заключенный еще до праздниковъ. Публика объ этомъ сокрушается. Всѣ, къстати сказать, бѣгутъ изъ Харькова точно мыши съ погнѣнаго корабля. Знаменательно. Г-жа Свободина-Барышева — довольно установившаяся репутация. Артистка за весь сезонъ играла, однако, не болѣе 10 разъ.

Трехактная комедія — шутка В. В. Билибина «Изумительныя превращенія», напечатанная въ приложеніи къ № 2 нашего журнала, была на-дняхъ поставлена въ Харьковѣ, въ бенефисъ г-жи Свободиной-Барышевой.

Это не тотъ грубый фарсъ новѣйшаго производства, гдѣ комическіе эффекты отличаются какой-то топорной работой, какимы-то за уши притянутымъ остроуміемъ.

Это — безпритязательная шутка, представляющая остроумную карикатуру на нашихъ эскулаповъ. Особенно забавна личность знаменитаго врача-психіатра Солнцева, въ которой при всей ея карикатурности есть извѣстная доля типичности. Въ этой роли великолѣпенъ былъ г-нъ Глюске-Добровольскій.

Вообще всѣ роли очень благодарны. Много непосредственнаго комизма внесъ въ роль помѣщика Рыбинина г. Петровскій. Не безъ юмора провела г-жа Галицкая роль вдовушки, которая больна тѣмъ, что видитъ каждую ночь «неприличные сны».

Пьеса очень понравилась публикѣ.

А. Б.

САРАТОВЪ. Зимній сезонъ окончился, а черезъ недѣлю откроется такъ называемый великопостный (драма). Никогда еще опера въ Саратовѣ не дѣлала такихъ большихъ сборовъ, какъ нынче: валовой сборъ за 2½ мѣсяца — 47½ тыс. руб. Объясняется это прежде всего ростомъ населенія, а затѣмъ — хорошимъ качествомъ труппы. Женскій персоналъ былъ лучший, какого только позволительно желать для нашего города съ отставшимъ по устройству и по размѣрамъ театромъ. Въ мужскомъ персоналѣ, можетъ быть, чувствовался недостатокъ въ отдѣлѣ басовъ, но и то при большой строгости требованій. Мы имѣли дѣйствительно такую хорошую оперу, на какую только въ состояніи претендовать Саратовъ. Симпатіи публики къ отдѣльнымъ артистамъ выразились наглядно въ послѣднемъ спектаклѣ, въ шумныхъ оваціяхъ по адресу любимцевъ. Какимъ-то неистовымъ громомъ апплодисментовъ сопровождалось появленіе лучшихъ силъ труппы, и особенно г-жъ Томской, Поляковой и Бобровой, гг. Южина и Брыкина. Подарки, цвѣты, привѣтственные билетки — всего было довольно. — Оперное дѣло въ нынѣшнемъ году велось подъ флагомъ «товарищества», хотя членами его были только пять лицъ: гг. Шау, Ковалькова, А. Бородай, Акимовъ и Гельротъ. «Товарищи» раздѣляютъ на кругъ около 80 к. на марку, — за вычетомъ всѣхъ расходовъ по сезону. Въ репертуаръ главенствующее мѣсто занимали старыя оперы: «Евгеній Онѣгинъ», «Демонъ», «Пиковая дама». Изъ новыхъ хорошіе сборы

дала опера Гартевельда «Сонъ» (либретто по Тургеневской «Пѣсни торжествующей любви»).

Вопросъ о сдачѣ театра разрѣшился въ саратовской думѣ, какъ извѣстно, въ пользу г. Соболевцова-Самарина. Условія г. Бородай признаны неподходящими. Какова-бы ни была новая антреприза (а судя по дѣятельности г. Соболевцова въ другихъ городахъ, она ожидается вполне добропорядочной), слѣдуетъ сказать доброе слово г. Бородаю. Онъ велъ дѣло въ Саратовѣ шесть лѣтъ, давалъ сильную дарованиями драму и показывалъ публикѣ всѣ выдающіяся новости драматической литературы. Дѣло велось широко и сильно. Въ самой организации существовали прорѣхи, но въ это ужъ закулисная сторона, до которой публикѣ не должно быть интереса. Въ Саратовѣ (какъ и въ Казани) г. Бородай несомнѣнно поставилъ драматическій театръ на надлежащую высоту. При этомъ оба города, Казань и Саратовъ, пожелали еще имѣть приличную ихъ званію оперу. Въ этомъ встрѣтилось не мало затрудненій, которыхъ г. Бородай все-таки одолѣлъ съ большою удачей. Пожеласмъ же такихъ удачъ и его замѣстителю. Мы мнѣемъ не плохое на хорошее, а хорошее на ожидаемое лучшее; причемъ заранѣе увѣрены, что никакой антрепренеръ не затмитъ Бородаевское дѣло лучшимъ составомъ труппы, ибо это невозможно для Казани и Саратова. Мы можно лучше распорядиться силами и слѣдовать лучшему порядку дѣятельности. Будущее укажетъ разницу между обоими солидными предпринимателями, — г. Бородаемъ и Соболевцовымъ.

Постоланный.

ВЯТКА. Мы уже писали по поводу неудовлетворительной постановки театральнаго дѣла подъ редакціей «Вятск. Т. в. любителей сценическаго искусства» и при этомъ высказали предположеніе въ томъ смыслѣ, что если дирекція — въ лицѣ своихъ заправилъ — не обратитъ своевременно должнаго вниманія на ошибки и пробѣлы и впродъ дѣла свои въ томъ-же духѣ, то ее ожидаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, полнѣйшій неуспѣхъ. Предположенія наши вполне подтвердились. Дѣла идутъ во всѣхъ отношеніяхъ плохо. Прошло болѣе 3 мѣсяцевъ съ открытія сезона. И что-же мы видимъ? Одни только убытки и убытки безъ конца, которые съ каждымъ мѣсяцемъ все возрастаютъ. За первые три мѣсяца сезона (октябрь, ноябрь и декабрь) дирекція потеряла изъ своего запаснаго (паеваго) капитала 3500 руб., да и въ будущемъ, кромѣ убытковъ, — едва ли на что лучшее можно рассчитывать. Рождественскіе праздники прошли, но и они тоже очень мало помогли дирекціи. Праздничные спектакли дали въ общемъ валоваго сбора — около 2000 руб.!. Главная причина такого неуспѣха, заключается въ слишкомъ слабой труппѣ. Необходимо было своевременно пополнить и обновить составъ ея новыми силами. Но, какъ оказалось, на это не было обращено должнаго вниманія. Съ этимъ вполне теперь соглашаются и сами театральные распорядители; охаютъ и вздыхаютъ, но... послѣ времени... Правда, для оживленія спектаклей — дирекція, въ срединѣ декабря, пригласила двухъ опереточныхъ артистовъ — г. Петровскаго и Малинова. На первыхъ порахъ, съ участіемъ названныхъ артистовъ — въ спектакляхъ стало замѣтно оживленіе. Изъ драматической труппы какимъ-то непонятнымъ образомъ разомъ образовались какъ-бы двѣ труппы — драматическая и опереточная. Появился даже самостоятельный (отдѣльный отъ драматическаго) режиссеръ для оперетки, — г. Петровскій. И вотъ время отъ времени начали ставить сначала небольшія оперетки, отрывки изъ оперетокъ, а потомъ и цѣлыя оперетки. Чаше и чаще со сцены стали раздаваться разныя — тру-ля-ля, репертуаръ заперстрѣлъ и началъ колебаться изъ стороны въ сторону. Публика сначала съ охотой было бросилась на оперетку — какъ на новинку, но разомъ же и отхлынула. Что это за оперетки, а главное — что за исполненіе?..

А.

АСТРАХАНЬ. Опереточные артисты подъ конецъ сезона начали угодать астраханскую публику серьезными драматическими произведеніями: Такъ, между прочимъ, были поставлены: «Горѣ отъ ума», «Преступленіе и наказаніе», «Василиса Мелентьева», «Разбойники» и др. Всѣ эти пьесы были, разумѣется, обезображены; самыя патетическія мѣста: «Преступленія и наказанія» и «Горѣ отъ ума» — вызывали хохотъ. Въ роляхъ любовника и героини выступаютъ г. Панинъ и г-жа Добротини. Въ опереткѣ Панинъ на мѣстѣ; г-жа же Добротини даже и тамъ съ грѣхомъ пополамъ. Но преподноситъ публикѣ какого-то выкрикивающаго слова толстяка подъ именемъ — «Раскольниковъ», являться Чацкимъ на балъ съ брюками на выпускъ, — какъ-будто и не ловко. Г-жа Добротини одѣвается, выходитъ на сцену, произноситъ заученныя слова и безстрастно уходитъ за кулисы. Г. Самаринъ «герой резонеръ», какъ былъ объявленъ въ началѣ сезона, играетъ и любовниковъ, но безъ всякаго успѣха. Очень однообразенъ. Въ роли Франца («Разбойники»), въ 5 картинѣ, въ сценѣ съ Амаліей, когда послѣдняя выхватываетъ у него шпагу и отгоняетъ отъ себя, г. Самаринъ, уходя, сталъ грозить ей кулакомъ. Самое тонкое обращеніе, какъ видите.

Понятно, почему пустуетъ театръ. Публика, привыкшая видѣть порядочныхъ, сравнительно, актеровъ, не поощряетъ драматическихъ спектаклей. Оперетка же здѣсь непопулярна.

Г-жа Чельская, Щетинина и г. Щетининъ совсѣмъ оставили труппу, изъ-за какихъ-то недоразумѣній съ дирекціей.

А. С. — новѣ.

ЕЛЕЦЬ. Съ 22-го октября до 15-го января антреприза елецкаго театра выручила сумму, покрывшую всѣ расходы по содержанію труппы и театра до конца сезона. Такъ что всѣ дальнѣйшіе сборы, съ 15-го января по великій постъ, составили чистую прибыль антрепренера — Пономорова-Соколовскаго.

Въ матеріальномъ отношеніи наибольшій успѣхъ имѣла драма Новый Міръ, давшая шесть полныхъ сборовъ. Постановка ея для елецкой сцены вышла довольно красивая. Новая декорация, аксессуеры и пр. работы П. Д. Лаужина удачны. Изъ исполнителей «Новаго Мира» шумный пріемъ публики выпалъ на долю самаго г. Пономорова (Маркъ).

Кромѣ названной пьесы съ хорошими сборами прошли (по 2 раза) слѣдующія новинки: «Преступленіе и наказаніе», затѣмъ «Идіотъ» и «Трильби». Классическія пьесы по преимуществу ставились въ праздничные дни. Были даны: «Разбойники», «Коварство и Любовь», «Гамлетъ», «Отелло», «Уріель Акоста», «Горѣ отъ ума» (2 раза) и «Ревизоръ» (2 раза). Изъ Островскаго шли «Безъ вины виновные», «Лѣсъ», «Бѣдность не пороки», «Василиса», «Дмитрій Самозванецъ», «Доходное мѣсто» и «Волки и Овцы» (бенефисъ Невѣрова).

Остальной репертуаръ, кромѣ нѣсколькихъ фарсовъ (Нюбей — 2 раза), былъ составленъ преимущественно изъ пьесъ Шпажинскаго, Невѣжина и др. Не дурно были разыграны драмы Зудермана «Гибель Содома», «Родина» и «Когда мы мертвые пробуждаемся» — Ибсена (бенефисъ Антонова). По исполненію отмѣтимъ комедію «Плоды просвѣщенія», въ которой выдѣлялись Невѣровъ-Звѣздинцевъ и Истомина — Тоня. Были впрочемъ достаточно типичны и мужики — Антоновъ и Ураловъ.

Успѣхъ имѣли Панормовъ, Антоновъ и Ураловъ. Обладаетъ данными и молодой артистъ Верстовскій; изъ женскаго персонала выдвинулась еще молодая артистка Истомина, которая съ значительнымъ успѣхомъ играла Дездемону, Офелію и Юдифь (Уріель), также Полину (Доходное м.) и Сою (Преступленіе). Не безъ огонька молодая Зорина, выдвинувшаяся въ роляхъ Маріи Антоновны (Ревизоръ) и Майи Рубекъ (когда мертвые). Къ сожалѣнію, героиня Е. А. Вадимова не пользовалась любовью публики.

Азг.

ПОЛТАВА. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ у насъ въ новоустроеномъ зданіи, для просвѣдательныхъ цѣлей, подвизается труппа артистовъ подъ управленіемъ Карамзина.

За исключеніемъ одного двухъ персонажей, труппа Карамзина слабая. Когда Карамзинъ снималъ нашъ театръ, то въ своихъ анонсахъ, онъ намъ сулилъ и то, и другое. Правда, г. Карамзинъ и ставитъ пьесы съ громкими названіями, но хорошо-ли онѣ идутъ? Публика, посѣщаетъ театръ, плохо, уходитъ изъ театра недовольная и разочарованная. Пьесы ставятся безъ предвѣстительной подготовки. Самый незамѣтный дѣлатель сцены — суфлеръ, у насъ очень замѣтенъ и такъ кричитъ, что къ концу спектакля положительно теряетъ голосъ и продолжаетъ свою работу въ послѣднихъ актахъ дѣлается неспособнымъ, актеры же не зная своихъ ролей и не слыша суфлера, врутъ на пропалую. Помощникъ режиссера также неисправенъ, выпускаетъ артистовъ не во время. Это было особенно замѣтно въ «Бѣлыхъ невольникахъ», «Контролѣ спальныхъ вагоновъ», «Меблированныхъ комнатахъ Королева», «Нюбей» и т. п. Выручаетъ труппу «Измаилъ». Эта пьеса за самое короткое время шла у насъ четыре раза, и всѣ разы театръ былъ полонъ.

Зритель.

СМОЛЕНСКЪ. 8-го февраля въ залѣ городской думы былъ устроенъ 3-ій общедоступный литературно-музыкальный вечеръ, посвящ. произведеніямъ А. П. Чехова. Вечеръ привлекъ массу публики и залъ городской думы былъ переполненъ. Много было учащихся въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Характеристику произведеній А. П. Чехова прочиталъ А. Л. Епифанскій, а разсказы писателя Н. П. Лесли, П. В. Цезаревскій и др. Въ музыкально-вокальномъ отдѣленіи приняли участіе пѣвица г-жа Гепнеръ, скрипачъ г. Чухалдинъ и хоръ любителей, исполнившій «Легенду» Чайковского и др. пьесы. Сборъ съ послѣдняго вечера внесенъ въ пользу пріюта почительствъ о бѣдныхъ дѣтяхъ — одного изъ симпатичныхъ учреждений въ нашемъ городѣ.

На вечерѣ 8-го февраля рѣшено было послать адресъ А. П. Чехову.

Слѣдующій общедоступный вечеръ будетъ посвященъ И. С. Никитину и сборъ съ него поступитъ на устройство памятника поэту въ Воронежѣ.

Вопросъ о постройкѣ городского театра въ Смоленскѣ опять отложенъ. Подробности сообщимъ.

Почтовый ящикъ.

Подписчику М. Б. Зону. Фарсъ г. Мясницкаго: «Къ самой хорошенькой женщинѣ» можно выписать изъ театральной библиотеки С. О. Разсохина въ Москвѣ.

С. В. К. Лѣпныя украшенія изъ папье-маше специально дѣлаетъ въ Петербургѣ только одна фирма. Мы бы совѣтовали обратиться въ бутафорскую и декораторскую мастерскую Лейферта. С.-Петербургъ, Ораніенбаумская ул., 21.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимовеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Херсонскій Городской театръ

свободенъ отъ антрепризы на будущій зимній сезонъ и сдается желающимъ. Заявленія принимаются въ Городской Управѣ до 5-го марта.

№ 3357 3-1.

Въ городѣ Майкопѣ (Кубанской Области)

съ 1 мая по 1 сентября сдается въ аренду

„Пушкинскій Народный домъ“

для драматическихъ и опереточныхъ представлений. Театръ вмѣщаетъ по обыкновеннымъ цѣнамъ до 500 руб. При театрѣ имѣется декорація, мебель какъ для сцены, такъ и для зрительнаго зала. Обращаться въ Майкопскую Городскую Управу.

№ 3358 1-1.

ТРИКОТАЖНО - ЧУ

Поставщицы Императорскихъ

ЛОЧНАЯ ФАБРИКА

С.-Петербургскихъ Театровъ.

Л. ДОВОЛЮЛЬСКОЙ.

С.-Петербургъ, ул. Загороднаго просп. и Казачьяго пер., д. 43.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ТРИКО.

№ 3344. 12-5.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ

съ 19-го по 26-е февраля 1901 года.

Александринскій театръ. Въ понедѣльникъ, 19-го февраля: Deutsches Gesamt-Gastspiel, «Johannisfeuer», 20-го: «Ohne Consens», «Tragödie der Seele», 21-го: «Johannisfeuer», 22-го: «Johannisfeuer», 23-го: «Rosenmontag», 24-го: «Rosenmontag», 25-го: «Johannisfeuer».

Михайловскій театръ. Въ понедѣльникъ 19-го февраля: «Fidèle», «Le coup de fouet», 20-го: «La bourse ou la vie», 21-го: «Fidèle», «Le coup de fouet», 22-го: «La bourse ou la vie», 24-го: Bénéfice de m-r Michel, regisseur en chef, «La jeunesse des Mousquetaires», 26-го: «La jeunesse des Mousquetaires».

3 325 12-8

Я употребляю

НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!

Элеопатъ провизора КИНУНЕНА.

Рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.

Элеопатъ пр. Кинунена находится въ продажѣ 23 года и ежегодно расходуется десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопатъ пр. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 р. 50 к., 2 флакона высылаются почтой въ Европейскую Россію за 4 рубля.

Главный складъ: Развѣзжая ул., № 13.

Адресъ для писемъ: „Складъ элеопата Кинунена“ № 3322. 30-18.

ПРЕЙС-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

№ 3351. 26-3

Театръ бывш. ПАНАЕВА.

(Адмиралтейская, № 4).

Съ 19-го Февраля 1901 года, СПЕКТАКЛИ

МОСКОВСКАГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА.

Въ среду, 14-го февраля, открылась продажа билетовъ

ТРЕТЬЯГО АБОНЕМЕНТА

въ пять спектаклей изъ пьесъ объявленнаго репертуара. Цѣны мѣстамъ обыкновеннымъ. О двѣ абонемена будетъ объявлено особо. На первый и второй абонементы и на спектакли 19-го и 20-го февраля билеты всѣ проданы.

Поспектакльная цѣна мѣстамъ: Ложа бенуара литерная — 26 р., бенуаръ номерный — 18 р., бель-этаж — средняя — 15 р., боковые — 12 р., 1-го яруса — 7 р. Партеръ отъ 6 р. 25 к. до 1 р. 75 к. Стулья 1-го яруса отъ 1 р. 75 к. до 1 р. 50 к. Балконъ отъ 1 р. 20 к. до 95 к. Галлерей отъ 60 к. до 40 к.

Завѣдующій репертуаромъ **Вл. И. Немировичъ-Данченко.**

Главный режиссеръ **Н. С. Станиславскій**

ТЕАТРЪ

СПБ. Консерваторіи.

Въ понедѣльникъ, 19 февраля 1901 г.

ОТКРЫТИЕ РУССКИХЪ ОПЕРНЫХЪ СПЕКТАКЛЕЙ

подъ управленіемъ **В. Н. ЛЮБИМОВА.**

Въ понедѣльникъ, 19 февраля, „ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ“ (съ уч. солистовъ Его Величества **М. И. и Н. Н. Фигнеръ, А. В. Смирнова, К. Т. Серебрякова.**)

Во вторникъ, 20 февраля, „ГУГЕНОТЫ“ (съ уч. солистовъ Его Величества **М. И. и Н. Н. Фигнеръ, Альмы Фостремъ, Т. А. Фингертъ, I. В. Тартакова, А. П. Антоновскаго.**)

Въ среду, 21 февраля, „ТРАВИАТА“ (съ уч. Альмы Фостремъ, 1-го тенора московской Императорской оперы **Л. В. Собина и I. В. Тартакова.**)

Въ четвергъ, 22 февраля, „ДУБРОВСКІИ“ (съ уч. солистовъ Его Величества **М. И. и Н. Н. Фигнеръ, А. В. Смирнова и К. Т. Серебрякова.**)

Въ пятницу, 23 февраля, „ОПРИЧНИКЪ“ (съ уч. солистовъ Его Величества **М. И. и Н. Н. Фигнеръ, Т. А. Фингертъ, М. К. Максакова и К. Т. Серебрякова.**)

Билеты на эти спектакли заблаговременно можно получать въ кассѣ консерваторскаго театра ежедневно отъ 11 ч. утра до 6 ч. веч.

ЭОЛІАНЪ

новый инструментъ, устраниющій работу пальцевъ играющаго. Темпъ, сила звука и инструментовка остаются въ полномъ распоряженіи играющаго, который придаетъ всѣ желаемые оттѣнки исполняемой пьесѣ простымъ выдвиганіемъ регистровъ.

Новое изобрѣтеніе обратило на себя вниманіе многихъ музыкальных знаменитостей въполнѣ признавшихъ его значеніе съ точки зрѣнія художественнаго исполненія музыкальных пьесъ любителями, не имѣвшими музыкальной подготовки въ дѣтствѣ и не играющими на клавиатурныхъ инструментахъ.

Имѣются отзывы Сарасате, Эд. Колонья, Эд. де-Решке, Н. В. Галкина, Палеревскаго, Ауэра и друг.

Цѣны Эоліанамъ 225, 300, 400, 550, 600, 900, 1,200 и 1,500 руб.

Ноты къ нимъ въ громадномъ выборѣ отъ 1 р. 50 коп. и дороже.

№ 2311. 52—24.

Прейсъ-курантъ и списокъ нотъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ: В. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Омскій зимній театръ

СДАЕТСЯ

съ Велик. поста по 7-ое мая (вмѣщаетъ отъ 700 р. до 1000 р. сбору). Можно со всѣми вечеровыми расходами за опред. платили проценты. Подробности: Омскъ театръ **М. С. Уварову-Самборска** или Москва Театр. Бюро.

№ 3356 1—1.

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ

ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая 33. Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается всадъ.

3321 13—10

ВЫШЛИ изъ ПЕЧАТИ:

„Рабыни веселья“.

В. Протопопова, ц. 2 р. Ценз. экз. 5 руб.

„ФЛОРИЯ ТОСКА“.

изв. др. **В. САРДУ.**

Цѣна 2 рубля.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

К. ДМИТРИЕВА.

Цѣна 2 руб.

Розовое Мыло

Хрустальное № 4711

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества

ФЕД. МЮЛЬГЕНСЪ

КОЛОКОЛЬНАЯ № 4711 въ Кельнѣ и Ритъ

Высокое содержаніе глицерина, экономія въ расходѣ мыла, нѣжный запахъ розы

Вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

№ 3320. 6—6.

При семъ № разсылается городскимъ подписчикамъ объявленіе Жорговаго дома „Жончаевъ и Волковъ“.